15
P 412

496657

496657

Пр. 2010

91
32.

ИЛЬЯ РѢПИНЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ К. И. ЧУКОВСКАГО

2

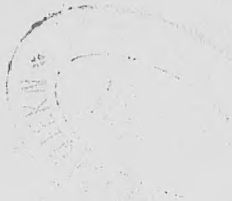
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
САН

49657

БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ

СЪ РИСУНКАМИ АВТОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЛНЦЕ“
ПЕТЕРБУРГЪ



61
532. 369.
75
Р41ХЛБ.
1922

ИЛЬЯ РѢПИНЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ К. И. ЧУКОВСКАГО

БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ

СЪ РИСУНКАМИ АВТОРА

496857
S.O.S.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЛНЦЕ"
ПЕТЕРБУРГЪ

75С1

Р. В. Ц. Петроград, № 1390. Отпеч. 2.000 экз.

26-я Государственная типография, Измайловский 29.—Зак. 600.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ

1868—1870

Типы бурлаковъ. „Левка дурачокъ".
(Изъ волжскихъ альбомовъ И. Е. Рѣпина)

I.

Нева — первое впечатлѣніе.

Несмотря на тайную титаническую гордость духа внутри себя, въ жизни я былъ робкій, посредственный и до трусости непредпріимчивый юноша. Особенно я (и это до сихъ поръ осталось во мнѣ) не любилъ путешествій и всякихъ экскурсій.

Такъ и въ 1868 г., работая въ академической мастерской къ конкурсу на малую золотую медаль надъ программой „Іовъ и его друзья", я почти отъ зари до зари проводилъ время въ добросовѣстныхъ этюдахъ къ картинѣ, покидалъ мастерскую только для сада Академіи, гдѣ писалъ этюды на воздухѣ, да на отдыхъ въ квартирѣ, недалеко отъ Академіи Художествъ, гдѣ я только ночевалъ. Ака-

демическій коридоръ 4-го этажа, какъ и сейчасъ, лѣтомъ былъ особенно оживленъ молодыми голосами конкурентовъ-товарищей: пѣли, свистали, громко смѣялись и цѣлыми ватагами сговаривались о прогулкѣ куда-нибудь на острова встрѣчать восходы солнца бѣлыхъ ночей и знакомиться съ окрестностями Петербурга; находились славильщики: по ихъ словамъ, эти задворки поражали своей красотой и новостью. Я не вѣрилъ и сторонился.

Конкурентамъ запрещалось уставомъ показывать свой трудъ товарищамъ; въ мастерскія другихъ не входили, и предпріимчивые товарищи ловили отшельниковъ въ коридорахъ. Праздники я предпочиталъ не работать и любилъ проводить время въ семействѣ, гдѣ были подростки-барышни. Тамъ мы большей частью играли въ фанты и танцовали до упаду: я очень любилъ танцовать.

Сосѣдъ мой по мастерской, программистъ-вольнослушатель К. А. Савицкій былъ особенно общительный и большой затѣйникъ прогулокъ и всякихъ исканій новизны впечатлѣній.

— А, Рѣпинъ, я тебя давно ловлю,—кладя руку на мое плечо, торопился онъ. — Поѣдемъ завтра на этюды по Невѣ, до Усть-Ижоры.

— Ой, вотъ застаешь врасплохъ,—уклоняюсь я,—я вовсе не думалъ ѣздить такъ далеко... И этюдникъ мой надо привести въ порядокъ для такого путешествія, у меня все въ развалѣ. Я привыкъ тутъ, какъ дома: наложу красокъ на палитру и спускаюсь даже безъ всякаго ящика въ нашъ садъ; и натурщикъ тутъ же казенный... Куда тамъ еще?! „Собакъ дразнить“, какъ говорятъ наши хохлики.

— Ну, какъ тебѣ не осточертѣли эти казенные Алексѣи и Иваны!—возражаетъ онъ запальчиво.—И садишко... все это стѣны и стѣны, вѣдь ты тутъ никакого пространства не знаешь... Вздоръ все это, собирайся; я тебѣ мигомъ приспособлю твоіі этюдникъ... Посмотрѣлъ бы ты, какіе берега! А за Рыбацкой! У колонистовъ— прелестныя мѣста! Завтра, въ 7—8 часовъ утра, мы ѣдемъ на пароходѣ, не кобенься, душенька, — властно и настойчиво заключилъ онъ,—давай-ка этюдникъ!

И дѣйствительно онъ мигомъ обработалъ всѣ мои приспособленія въ этюдникѣ и такъ ловко, что я въ удивленіи, невинно глядючи, не могъ даже ничѣмъ помочь ему, боясь помѣшать.

А утромъ мы уже бурлили по Невѣ, и я былъ въ несказанномъ восхищеніи отъ красотъ береговъ и свободы вдыханія чистаго воздуха; погода была чудесная.

Ѣхали быстро, и къ раннему полдню мы проѣзжали уже роскошныя дачи на Невѣ; онѣ выходили очаровательными лѣстни-

цами, затѣйливыми фасадами, и особенно все это оживлялось больше и больше къ полдню блестящей разнаряженной публикой. А всего неожиданнѣе для меня — великолѣпнымъ цвѣтникомъ барышень, мнѣ казалось, невиданной красоты!.. Боже, сколько ихъ!! И всѣ онѣ такія праздничныя, веселыя, всѣхъ такъ озаряетъ яркое солнце. Какія нарядныя! А какіе цвѣта модныхъ матерій! Да такіе же цвѣты и кругомъ по клумбамъ окружаютъ ихъ... Глаза разбѣгаются во всѣ стороны, ничего не уловишь; путается и тасуется сказочный, невиданный еще мною міръ праздника; и какъ его много, безъ конца!

Но вотъ ходъ замедлили: станція. Берегъ высокій. Двумя развѣтвляющимися широкими лѣстницами, обставленными терракотовыми вазами съ цвѣтами, къ среднимъ площадкамъ спускаются группы неземныхъ созданій; слышенъ беззаботный говоръ, остроумный и розовый смѣхъ перловыхъ зубовъ. Тутъ и мужчины, и молодые люди—студенты, и военные мундиры такъ энергично оттѣняютъ цвѣтникъ бѣлыхъ, палевыхъ и красныхъ зонтиковъ... Ну, право же, все это букетъ дивныхъ живыхъ цвѣтовъ; особенно лѣтнія яркія широкія дамскія шляпы, газовыя вуали и цвѣты, цвѣты... А духи... упоительные ароматы доносятся даже къ намъ, на пароходъ — чары, чары до невѣроятной фантазіи... Ну, спасибо Савицкому, безъ него я бы никогда этого не увидѣлъ. И это счастье было такъ близко: вѣдь не прошло и двухъ-трехъ часовъ, какъ мы вышли изъ Академіи... Для меня это была совершенно неожиданная новость. До этихъ поръ я былъ полонъ гордой мысли украинскаго военнаго поселянина, что, кромѣ Малороссіи, нигдѣ въ мірѣ ничего уже хорошаго быть не можетъ; спорилъ съ товарищами, что харьковская соборная колокольня выше колокольни Исаакіевскаго собора, а Петербургъ стоитъ на болотѣ, кругомъ него болото; а здѣшняя природа, одни *пристриженные* до гадости чахлые кустики сѣвера... И вдругъ такая роскошь растительности, такой густой, брызжущій свѣжестью цвѣтъ зелени. И сирень, и каштаны, и липы... а береза-то, береза! Вѣдь у насъ ея совсѣмъ почти нѣтъ!.. Что же объ этомъ молчатъ!.. Но еще: на всемъ этомъ райскомъ фонѣ, надо признать, всего красивѣе люди, ужъ гдѣ намъ, дуракамъ, тутъ. Какъ чисто одѣты! Съ какимъ вкусомъ сидятъ на нихъ платья! А на самомъ обворожительномъ предметѣ—*на барышняхъ*—я уже боюсь даже глаза останавливать: втянутъ, не оторвать потомъ, будутъ грезиться и во снѣ... Что-то опьяняющее струится отъ всѣхъ этихъ дивныхъ созданій красоты. Я былъ совершенно пьянъ этимъ животрепещущимъ роемъ!

Эхъ, возрастъ, возрастъ!.. Вѣдь подумаютъ, я преувеличиваю, попросту лгу на старости... Однажды (также въ тѣ же времена) день, проведенный въ Лиговѣ, былъ полонъ такихъ же чудесъ и красотъ. Но когда, 20 лѣтъ спустя, я поѣхалъ туда же искать дачу на лѣто, ясно представлялъ въ воображеніи, даже до мелкихъ примѣтъ, и дорогу, и расположеніе мѣстности, дачъ, проѣздилъ весь долгій день, утомилъ извозчика и не нашелъ *ничего прежняго*: все уже было по-другому, прозаично, бѣдно и скучно...

Ну, что разсуждать?. Къ солнцу! къ свѣту! Моя живая картина была само солнце, безъ пятенъ. Глазъ не оторвать отъ ея красоты и блеска...

— Однако, что̀ это тамъ движется сюда? — спрашиваю я у Савицкаго.—Вотъ то темное, сальное, какое-то коричневое пятно. Что̀ это ползетъ на наше солнце?

— А! это бурлаки бечевой тянутъ барку; браво, какіе типы. Вотъ увидишь, сейчасъ подойдутъ поближе, сто̀итъ взглянуть.

Я никогда еще не былъ на большой судоходной рѣкѣ и въ Петербургѣ, на Невѣ, ни разу не замѣчалъ этихъ чудищъ „бурлаковъ“ (у насъ въ Чугуевѣ *бурла̀кой* называютъ холостяка бездомнаго).

Приблизились. О, Боже, зачѣмъ же они такіе грязные, оборванные! У одного разорванная штанина по землѣ волочится, и голое колѣно сверкаетъ, у другихъ локти повылѣзли, нѣкоторые безъ шапокъ; рубахи-то, рубахи! Истлѣвшія, подѣлившіяся — не узнать розоваго ситца, висящаго на нихъ полосами, и не разобрать даже ни цвѣта, ни матеріи, изъ чего онѣ сдѣланы; вотъ лохмотья!.. Влегшія въ лямку груди обтерлись докрасна, оголились и побурѣли отъ загара... Лица угрюмыя, иногда только сверкнетъ тяжелый взглядъ изъ-подъ пряди сбившихся, висячихъ волосъ, лица потныя блестятъ, и рубахи насквозь потемнѣли... Вотъ контрастъ съ этимъ чистымъ ароматнымъ цвѣтникомъ господъ! Приблизившись совсѣмъ, эта вьючная ватага стала пересѣкать дорогу спускающимся къ пароходу... Невозможно вообразить болѣе живописной и болѣе тенденціозной картины! И что̀ я вижу! Эти промозглыя, страшныя чудовища съ какою-то доброю, дѣтскою улыбкою смотрятъ на праздныхъ, разряженныхъ баръ и любовно такъ оглядываютъ ихъ и ихъ наряды. Вотъ пересѣкшій лѣстницу передовой бурлакъ даже приподнялъ бечеву своей загорѣлой черной ручищей, чтобы прелестныя сильфиды-барышни могли спорхнуть внизъ.

— Вотъ невѣроятная картина!—кричу я Савицкому.—Никто не повѣритъ!..

Дѣйствительно, своимъ тяжелымъ эффектомъ бурлаки, какъ темная туча, заслонили веселое солнце; я уже тянулся вслѣдъ за ними, пока они не скрылись съ глазъ. Ну, и пароходъ нашъ тронулся дальше; мы скоро нагнали барку и видѣли уже съ профиля и нагруженную *расшиву* и всю бечеву, отъ мачты до лямокъ. Какая допотопность!

Вся эта сказочная баркаролла казалась мнѣ и смѣшной и даже страшной своими чудовищными возницами.

— Какой однако это ужасъ,—говорю я ужъ прямо.—Люди вмѣсто скота впряжены! Савицкій, неужели нельзя какъ-нибудь болѣе прилично перевозить барки съ кладями, напр., буксирными пароходами?

— Да, такіе голоса уже раздавались.—Савицкій былъ умница и практически зналъ жизнь.—Но буксиры дороги; а главное, эти самые вьючные бурлаки и нагрузятъ барку, они же и разгрузятъ ее на мѣстѣ, куда везутъ кладь. Поди-ка тамъ, поищи рабочихъ-крючниковъ — чего бы это стоило!..—Савицкій мнѣ нравился за то, что онъ былъ похожъ на студента и разсуждалъ всегда резонно.

— А ты посмотрѣлъ бы, какъ на верховьѣ Волги и по всей системѣ каналовъ въ лямкѣ бечевой тянутъ, — произнесъ онъ.—Вотъ дѣйствительно ужъ диковинно. Тамъ всякой твари по парѣ впряжено, и всѣ дружно тянутъ, смѣясь: и баба, и лошадь, и мужикъ, точно нарочно, чтобы міръ почудить, и все это по крутому берегу: такъ эффектно на воздухѣ рисуются...

Всему этому я уже плохо вѣрилъ, я былъ пораженъ своей картиной и почти не слушалъ его, все думалъ. Всего интереснѣе мнѣ казалась картина, какъ черная потная лапа поднялась надъ барышнями, и я рѣшилъ непремѣнно писать эскизъ на эту сцену.

Но программа „Іовъ и его друзья“ поглощала все время этюдами къ ней; развлеченіемъ ближайшимъ была игра въ городки въ академическомъ саду, на мѣстѣ нынѣшняго склада дровъ. Постоянными товарищами въ игрѣ были: И. П. Ропетъ (архитекторъ), Мих. Кудрявцевъ (живописецъ), И. С. Богомоловъ (тоже архитекторъ) Е. К. Макаровъ, Урлаубъ и др.

Однако и посреди игръ и въ знакомомъ семействѣ съ барышнями я не могъ отдѣлаться отъ группы бурлаковъ и дѣлалъ разные наброски то группы, то отдѣльныхъ лицъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Бурлаки на Невѣ. Одинъ изъ первыхъ эскизовъ И. Е. Рѣпина, сдѣланныхъ еще до поѣздки на Волгу.

II.

Пейзажистъ Ѳ. А. Васильевъ.

Какъ я уже разсказывалъ, около этого времени у И. Н. Крамского я познакомился съ Ѳедоромъ Александровичемъ Васильевымъ.

Это былъ феноменальный юноша; Крамской его обожалъ, не могъ нарадоваться и въ его отсутствіе безконечно говорилъ только о Васильевѣ. Ему было всего 19 лѣтъ, и онъ только-что бросилъ должность почтальона, рѣшивъ всецѣло заняться живописью. Легкимъ мячикомъ онъ скакалъ между Шишкинымъ и Крамскимъ, и оба эти его учителя полнѣли отъ восхищенія геніальнымъ мальчикомъ.

Мнѣ думается, что такую живую, кипучую натуру, при прекрасномъ сложеніи, имѣлъ развѣ Пушкинъ. Звонкій голосъ, заразительный смѣхъ, чарующее остроуміе съ тонкой насмѣшечкой до дерзости завоевывали всѣхъ своимъ молодымъ веселымъ инте-

ресомъ къ жизни: къ этому счастливцу всѣхъ тянуло, и самъ онъ зорко и быстро схватывалъ всѣ явленія кругомъ, и люди, появляющіеся на сцену, сейчасъ же становились его клавишами, и онъ мигомъ вплеталъ ихъ въ свою житейскую комедію и игралъ ими, громко шутя.

И какъ это онъ умѣлъ, не засиживаясь, побывать на всѣхъ выставкахъ, гуляньяхъ, каткахъ, вечерахъ и находилъ время посѣщать всѣхъ своихъ товарищей и знакомыхъ! Завидная подвижность. И что̀ удивительно: бѣдный человѣкъ — одѣтъ всегда по модѣ, съ иголочки; случайно, *кое-какъ* образованный, онъ казался и по терминологіи и по манерамъ не ниже любого лицеиста; не зная языковъ, онъ умѣлъ кстати вклеить французское, латинское или смѣшное нѣмецкое словечко; не имѣя у себя дома музыкальнаго инструмента, онъ могъ разбирать съ листа ноты, кое-что аккомпанировать и даже сыграть Quasi una fantasia Бетховена, это особенно меня удивляло... Я былъ свидѣтелемъ не разъ его восторговъ высшаго порядка, поэтическихъ вдохновеній (но это было послѣ, на Волгѣ). Въ искусствѣ онъ отлично зналъ Кушелевскую галлерею, и всѣ славныя, модныя тогда имена французскихъ и нѣмецкихъ художниковъ такъ и сыпались съ его языка: Т. Руссо, Тройонъ, Добиньи, Коро, Гоге, Рулофсъ и др.; разумѣется, какъ пейзажиста, его интересовали большей частью пейзажисты-нѣмцы: Мунте, Лессингъ, бр. Ахенлахи и др.

Несмотря на разницу лѣтъ,—ему было 19, а мнѣ около 26,— онъ съ мѣста въ карьеръ взялъ меня подъ свое покровительство, и я имъ нисколько не тяготился; напротивъ, съ удовольствіемъ совѣтовался съ нимъ. Въ этихъ случаяхъ изъ беззаботнаго балагура-барина Васильевъ вдругъ превращался въ серьезнѣйшаго лектора, и за его совѣтами чувствовался какой-то традиціонный вѣсъ. Откуда? Я не разъ былъ пораженъ; я уже кончалъ академическіе курсы, какъ конкурентъ на золотыя медали, а въ продолженіе четырехъ съ половиной лѣтъ слушалъ усердно и научные курсы; а онъ — вчерашній почтальонъ, юнецъ, цинично хохоталъ надъ Академіей Художествъ и всѣми ея традиціями, а ужъ особенно надъ составомъ профессоровъ, не будучи никогда даже въ ея стѣнахъ... Чудеса! Ко мнѣ онъ заходилъ только на квартиру, въ домъ Шмидта, на 5-й линіи, гдѣ жилъ я тогда съ мальчикомъ-братомъ, вытащеннымъ мною изъ провинціи.

— Ну, что̀, братъ!—разсыпается его мажорный голосъ, едва онъ переступитъ мой порогъ. — А, бурлаки! Задѣло-таки тебя за живое?!. Да; вотъ она, жизнь, это не чета старымъ выдумкамъ

убогихъ старцевъ... Но, знаешь ли, боюсь я, чтобы ты не вдался въ тенденцію. Да, вижу, вижу, эскизъ акварелью... Тутъ эти барышни, кавалеры, дачная обстановка, что-то въ родѣ пикника; а эти чумазые ужъ очень какъ-то искусственно *„прикомпоновываются“* къ картинкѣ для назиданія: смотрите, молъ, какіе мы несчастные уроды, гориллы. Охъ, запутаешься ты въ этой картинѣ: ужъ очень много разсудочности. Картина должна быть шире, проще, что̀ называется, самой по себѣ... Бурлаки, такъ бурлаки! Я бы на твоемъ мѣстѣ поѣхалъ на Волгу — вотъ гдѣ, говорятъ, настоящій традиціонный типъ *бурлака*, вотъ гдѣ его искать надо; и чѣмъ проще будетъ картина, тѣмъ художественнѣе...

— Ого! куда хватилъ,—со скребомъ въ сердцѣ почти ворчу я. Меня онъ облилъ холодной водой, и я готовъ былъ отшатнуться отъ его душа.—Не во̀-время и, особенно, не по средствамъ мнѣ твоя фантазія. И я нисколько не жалѣю.

— Еще бы, знаю тебя: ты тутъ, въ своей Академіи, такъ усидѣлся, что даже мохомъ обрастать началъ.—И онъ звонко и плѣнительно разсыпался здоровымъ смѣхомъ. Меня начиналъ сердить его покровительственный тонъ съ насмѣшкой. И я угрюмо думалъ: все же онъ еще мальчикъ сравнительно со мною. Вспомнилъ, какъ однажды послѣ его смѣлости (до нахальства) у Крамского въ цѣломъ обществѣ, по поводу какого-то серьезнаго разговора, я обратился потомъ за разъясненіемъ къ Ивану Николаевичу.—Этотъ птенецъ не по лѣтамъ смѣлъ,—ворчалъ я,—въ вашемъ и Ив. Ив. (Шишкина) присутствіи онъ до неприличія забывается. Какъ вы его считаете? Что̀ онъ такое?—спросилъ я серьезно.

— Ахъ, Васильевъ?! Это, батюшка, такой феноменъ, какого еще не было на землѣ!.. О, вы познакомьтесь съ нимъ хорошенько, рекомендую—*талантъ*! Да вѣдь какой талантъ, и, вообще, я такой одаренной натуры еще не встрѣчалъ: его можно сравнить съ баснословнымъ богачомъ, который при этомъ щедръ сказочно и бросаетъ свои сокровища полной горстью направо, налѣво, не считая и даже не цѣня ихъ...

Чудо-мальчикъ—Васильевъ, такъ необыкновенно одаренный, былъ тактиченъ и проницателенъ тоже не по лѣтамъ.

Онъ пристально взглянулъ на меня.

— О, что̀ это? Ты уже не вздумалъ ли надуться на меня за мои же заботы о тебѣ!—И онъ опять весело расхохотался, блестя своими сѣрыми живыми глазами какъ-то особенно ласково.

Я невольно сдаюсь.

— Да вѣдь ты знаешь, что я не имѣю средствъ разъѣзжать по Волгамъ, къ чему же и раздразнивать напрасно и выбивать изъ колеи?—уже смягчаясь, разсуждаю я.

— Средства?! А сколько тебѣ *средствъ* понадобилось бы? Ну, душенька, не серьезничай, давай считать...

— Вѣдь ты же знаешь, что со мной еще братъ живетъ, и его пришлось бы взять... Вѣдь это—на три мѣсяца! Двоимъ двѣсти руб., не менѣе, понадобилось бы... Да, однимъ словомъ, давай говорить о другомъ...

— Что ты, что ты,—уже дѣлаясь какимъ-то необыкновенно вліятельнымъ лицомъ, произноситъ докторально Васильевъ. — Слушай серьезно: вотъ, не сойди я съ этого мѣста,—прожаргонилъ онъ комично,—черезъ двѣ недѣли я достану тебѣ 200 руб. Собирайся, не откладывай, готовься; и братъ твой, этотъ мальчикъ, намъ пригодится. Все же, знаешь, въ неизвѣстномъ краю лучше, когда насъ будетъ больше.

А я до такой степени вдругъ возмутился Васильевымъ, что даже обрадовался его скорому уходу: онъ всегда куда-то спѣшилъ, ему нигдѣ не сидѣлось. Поднявшись, онъ продолжалъ:

— Да только, знаешь ли, ты остригись,—онъ остановился въ передней и отечески-мягко сталъ назидать меня,—будь приличнымъ молодымъ человѣкомъ. Ну, какъ тебѣ не совѣстно запускать такіе патлы; вѣдь это ужасъ, какъ деревенскій дьячокъ!.. Ахъ, да, художникъ... Вотъ я ненавижу этихъ Худояровыхъ и tutti quanti. Эти длиннополыя шляпы, волосы до плечъ, опошлѣвшая гадость! Меня разбираетъ такое зло и смѣхъ, глядя на этихъ *печатныхъ художниковъ*, такая вывѣска бездарности...

Васильевъ меня уже раздражалъ этой своею развязностью *большого* и становился все непріятнѣе. Въ передней онъ кокетливо передъ зеркаломъ, не торопясь, надѣлъ свой блестящій цилиндръ на свою прическу — сейчасъ отъ парикмахера; все платье на немъ было модное, сидѣло, какъ на модной картинкѣ, и все съ иголочки.

— А я удивляюсь на твой шикъ,—не безъ злобы уже говорю я,—вотъ я презираю франтовство и франтовъ...

— Ну, не сердись, не сердись, Ильюха. Вѣрь, что черезъ два мѣсяца ты надѣнешь такой же цилиндръ самъ и все прочее, и будешь милымъ кавалеромъ... Ахъ, ужъ эти мнѣ Шананы... Ну, прощай и помни обо мнѣ! Черезъ двѣ недѣли я буду у тебя съ „возможностями“, а черезъ три—мы катимъ по Волгѣ... А!? Ты только подумай! Ты увидишь настоящихъ бурлаковъ!!! А?! Адьё, mon cher!

Это уже какое-то нахальство. „Хлестаковъ!—подумалъ я,—какъ малаго ребенка, онъ ублажаетъ и туманитъ меня“. Но этого я уже и не ждалъ: смѣшонъ и не замѣчаетъ, какъ онъ пересаливаетъ. Конечно, это онъ слышалъ какого-нибудь важнаго барина: тотъ такимъ же покровителемъ, вѣроятно, вытаскивалъ его изъ бѣдныхъ, и онъ туда же! Вотъ хлыщъ!.. А Крамской?.. Неужели онъ такъ ослѣпленъ, что не видитъ этого хвастуна?..

Надо разспросить серьезно.

— Ого! Ѳедоръ Александровичъ пообѣщалъ вамъ свою протекцію?—отвѣчалъ весело и серьезно Крамской.—Можете быть увѣрены, что онъ это сдѣлаетъ. У него есть большой покровитель, гр. Строгановъ: это рука-владыка въ Обществѣ Поощренія Художниковъ; а главную дѣйствующую роль, *какъ исполнитель*, тутъ, разумѣется, сыграетъ Дм. Вас. Григоровичъ. Этотъ тоже души не чаетъ въ Васильевѣ; они его въ послѣднее время совсѣмъ избаловали даже; но Васильевъ этого стоитъ.

„Посмотримъ, посмотримъ“,—думалъ я про себя и не переставалъ сомнѣваться.

III.

Сборы на Волгу.

Но черезъ двѣ недѣли дверь ко мнѣ особенно энергично распахнулась, и Васильевъ, въ героической позѣ герольда, поднявъ высоко бѣлую бумагу, весело смѣялся своими крѣпкими зубами.

— Получай, кавалеръ! Вотъ тебѣ талонъ на 200 руб. А, что? Я правъ! Ну, теперь—сборы.

Онъ разсказалъ, какого удобнаго фасона онъ купилъ себѣ длинный узкій сундукъ, и прочиталъ длинный списокъ закупокъ, что еще, какъ онъ думалъ, необходимо требовалось ему и намъ.

Тутъ были и хлысты, и краги для верховой ѣзды, и одна-двѣ пары лайковыхъ перчатокъ, и дюжина галстуковъ и т. д., всего не перечесть; бѣльемъ онъ былъ раньше обезпеченъ; духи, мыла, одеколоны, дезинфекціонныя снадобья, дорожная аптечка, спиртъ, надувныя подушки и пр. и пр. Я впалъ въ разсѣянность, рѣшивъ про себя, что этого мнѣ ничего не надо.

Вечеромъ я опять у Крамского.

— О, какой вы скептикъ; но вы рѣшительно, вижу я, не знаете Васильева. Видѣли ли вы его работы?

— Нѣтъ,—отвѣчаю я.—А гдѣ ихъ можно видѣть? И что онъ сдѣлалъ? Вѣдь онъ же и въ Академію еще не поступалъ...

На Лахтѣ въ бѣлую ночь. Ѳ. А. Васильевъ (впереди), И. Е. Рѣпинъ, Е. К. Макаровъ и В. М. Васнецовъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Крамской уставилъ на меня свои сѣрые, проницательные глаза.—Если это не иронія, и вы изрекаете правду, какъ думаете, то...—Онъ развелъ руками.—Да вы поскорѣй должны посмотрѣть работы Ѳедора Александровича. А что онъ не былъ въ Академіи Художествъ, такъ въ этомъ, можетъ-быть, и есть его счастье. Но онъ имѣетъ превосходнаго руководителя въ Шишкинѣ.

Въ 17-й линіи Васильевскаго Острова, въ маленькомъ, одноэтажномъ, низенькомъ домикѣ семейной собственности Васильевыхъ, я засталъ Васильева за работой. Въ самой лучшей и самой большой и все же очень маленькой, сравнительно, комнаткѣ въ два окна, у него стояло двѣ вещицы на дрянныхъ треножкахъ-мольбертахъ.

Я зашелъ отъ свѣта, чтобы видѣть картинки, и онѣмѣлъ: картинки меня ошарашили... Я удивился до полной сконфуженности:

— Скажи, ради Бога, да гдѣ же ты такъ преуспѣлъ?—лепечу я.—Неужели это ты самъ написалъ?!. Ну, не ожидалъ я...

— Благодарю, не ожидалъ!—весело засмѣялся Васильевъ.—А учитель, братъ, у меня превосходный: Ив. Ив. Шишкинъ, прибавь еще всю Кушелевку и ужъ, конечно, самую великую учительницу: натуру, натуру! А Крамской чего стоитъ!?

— Небо-то! Небо!..—начинаю я восторгаться.—Какъ же это? Неужели это безъ натуры?.. Я никогда еще не видывалъ такъ дивно вылѣпленныхъ облаковъ, и какъ они освѣщены!!! Да и все это какъ-то совершенно по-новому...

Васильевъ приблизился къ мольберту.

— А? Эти кумулюсы? А они мнѣ не нравятся, я все боюсь, ищу...—Онъ присѣлъ бочкомъ къ мольберту; взялъ стальной шпахтель и вдругъ безъ всякой жалости началъ срѣзывать великолѣпно вылѣпленную купу облаковъ надъ водою...

— Ахъ, что ты дѣлаешь!.. Развѣ возможно губить такую прелесть!..—Но онъ уже работалъ тонкой кистью по снятому мѣсту, и новый мотивъ неба жизненно трепеталъ уже у него на холстѣ... Я остолбенѣлъ отъ восхищенія...

— А это?—Висѣла еще картинка; изображалась цѣлая стѣна темной высокой груши малороссійскаго типа; картина была напитана горячимъ солнцемъ. Кое-гдѣ висѣло на переднимъ заборчикѣ разныхъ цвѣтовъ вымытое бѣлье, сохло...—Вотъ оригинально: такъ темно и такъ солнечно,—удивляюсь я,—всякій тутъ пересолилъ бы бѣлилами...

— Какъ это ты справляешься съ небомъ такими маленькими кистями?—спрашиваю я.

— О, я всегда работаю маленькими, колонковыми: ими такъ хорошо лѣпить и рисовать формочки... А мазать квачами, какъ заборы, такая гадость, ненавижу мазню... Хорошо ты сдѣлалъ, что зашелъ ко мнѣ; я намѣревался даже къ тебѣ. Къ тебѣ есть два дѣла, два вопроса, выражаясь высокимъ слогомъ, и эти дѣла долженъ сдѣлать ты. Ну, ужъ ты, пожалуйста, не прикидывайся недорослемъ, возьми въ обѣ руки свое вниманіе и внимай: ты хорошъ съ Исѣевымъ, и Академія (т.-е. онъ, Исѣевъ) тобою дорожитъ... Пожалуйста, не приподнимай такъ бровей или прикрывайся личиной идіота. Знаемъ, братъ, про тебя, все знаемъ, но не въ этомъ дѣло. Иди ты къ Исѣеву и проси, чтобы онъ похлопоталъ намъ даровой проѣздъ по Волгѣ, у него есть рука въ компаніи „Самолетъ“—понялъ? Это часть офиціальная; а вотъ часть, такъ сказать, семейная: хорошо бы намъ взять еще *четвертаго*... Ахъ, вотъ идетъ четвертый. Ну, ну, Романъ, держись крѣпче, не шатайся! — Изъ другой комнаты вышелъ начинающій ходить мальчикъ и храбро направился къ Васильеву.

— Это мой братъ—Романъ, котораго я люблю больше всей жизни, только онъ одинъ могъ бы остановить меня теперь въ моемъ рѣшеніи ѣхать на Волгу. Ну, повѣришь ли, я его такъ люблю! Такъ люблю... Ну, милый Рома, иди, иди ко мнѣ, ну, ну, ахъ, ты мое сокровище... (Онъ взялъ его на руки и усѣлся на стулъ). Ахъ, да, съ Романомъ я все забываю... Такъ вотъ, имѣешь ли ты кого на примѣтѣ четвертымъ въ нашу компанію?

— Вотъ не думалъ,—отвѣчалъ я въ раздумьѣ,—развѣ Кирилыча?

— Ха-ха-ха!—весело взорвался онъ отъ неожиданности.—Вотъ одолжилъ! „Благодарю, не ожидалъ!..“ Охъ, но этотъ столбъ мир-городскаго повѣта не поѣдетъ. Куда ему! Вотъ смѣхъ... И какъ это ты выговорилъ его имя?

— Да вѣдь онъ очень просится ѣхать съ нами, очень желаетъ.

— Беремъ, беремъ! „Благодарю, не ожидалъ!“—шутилъ уже Васильевъ нараспѣвъ...

IV.

П. Ѳ. Исѣевъ.

Всемогущій конференцъ-секретарь Императорской Академіи Художествъ былъ тогда во всей силѣ. Ко мнѣ онъ благоволилъ и особенно послѣ моего бунта, о которомъ надо разсказать.

По уставу Академіи Художествъ 1859 г. при Академіи былъ научный курсъ, растянутый на *шесть лѣтъ*. Кромѣ *спеціальныхъ*

НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
САРАТОВСКОГО
г. Саратовъ

предметовъ, проходились и нѣкоторые элементарные: физика, часть химіи, всеобщая исторія, русская исторія, русская словесность (входила психологія), исторія церкви и законъ Божій, и еще что-то. Было по двѣ лекціи въ день: *утромъ*—отъ половины восьмого до $9^1/_2$ и днемъ—отъ 3—$4^1/_2$ час. Считалось три курса, такъ какъ каждый курсъ шелъ два года.

Ученики, даже самые прилежные къ наукѣ, въ продолженіе первыхъ двухъ курсовъ въ 4 года такъ перетягивались въ сторону искусства, что обыкновенно 3-й и 4-й курсы все рѣдѣли, пустѣли, и инспекціи надо было принимать мѣры къ понуканію учениковъ посѣщать лекціи и являться на экзамены. Разумѣется, единственная строгая мѣра—исключеніе изъ списка учениковъ.

Послѣ каникулъ вывѣшивался списокъ именъ, переведенныхъ въ число вольнослушателей за неявку къ экзаменамъ.

Осенью товарищи сообщили мнѣ, что я въ числѣ исключенныхъ.

Морально я уже давно былъ готовъ къ выходу изъ Академіи. И общественное мнѣніе, и особенно Крамской, и всѣ его товарищи, и артельщики совѣтовали мнѣ бросить конкурсы и становиться на собственныя ноги.

Академія Художествъ была тогда не мало порицаема и осмѣиваема нашей журналистикой: лучшія силы молодежи не доучивались и бросали ее. За 13-ю знаменитыми артельщиками тянулись нерѣдко; еще недавно бросили конкурсы Максимовъ, Бобровъ, особенно Бобровъ: этого корифея звали будущимъ Рембрандтомъ, а онъ вдругъ оставилъ Академію, будучи уже на положеніи программиста (мастерская, стипендія 15 р. въ мѣсяцъ и казенная натура).

Передъ наукой я благоговѣлъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ курсы посѣщалъ усердно, экзамены сдавалъ хорошо, но на пятомъ году, какъ только я получилъ мастерскую и сталъ готовиться къ программѣ, я вдругъ „*присталъ*“, какъ говорятъ о лошади, выбившейся изъ силъ...

Увидѣвъ своими глазами, что я исключенъ изъ списка учениковъ, я вскипѣлъ и написалъ въ совѣтъ прошеніе. Ядовито указывалъ я совѣту на его пристрастіе къ элементарной грамотѣ не по своей спеціальности и компетенціи, а въ заключеніе просилъ уволить меня совсѣмъ изъ Академіи Художествъ, удостоивъ званіемъ „свободнаго художника“ (я имѣлъ уже 5 серебряныхъ медалей, слѣдовательно имѣлъ на это право). Я закончилъ свое прошеніе словами, что я не намѣренъ дольше оставаться въ Академіи Художествъ, гдѣ успѣхи въ искусствѣ измѣряются посредственными познаніями учебниковъ... что-то въ этомъ родѣ.

Прошеніе слѣдовало подать конференцъ-секретарю Исѣеву лично.

Петръ Ѳедоровичъ Исѣевъ былъ похожъ на Наполеона; онъ былъ очень уменъ и проницателенъ. Академія Художествъ была въ полномъ его вѣдѣніи, и онъ очень озабоченъ былъ борьбою съ „Артелью художниковъ". Въ моемъ поступкѣ ему чудилась интрига артели (онъ зналъ, что я вхожъ туда).

Пробѣжавъ быстро мое прошеніе, онъ безпокойно обмѣрилъ меня взглядомъ.

— Что это вы, Рѣпинъ! Вѣдь это васъ настроили! Какъ это возможно! Ну, дадутъ вамъ званіе, и что же?

— Да мнѣ больше ничего и не надо,—скромно, но твердо поясняю я.

— Какой все это вздоръ. И великій князь и совѣтъ рѣшили уже, что вы поѣдете за границу на казенный счетъ... Ахъ, да что тратить слова, вотъ вамъ ваше прошеніе!—Онъ разорвалъ его на четыре части и бросилъ въ корзинку.—Ручаюсь вамъ: исключены изъ списка учениковъ вы не будете, и вы должны окончить Академію, какъ слѣдуетъ: для кого же тогда ей существовать!..

Такъ было за годъ до нашихъ сборовъ на Волгу. Разумѣется, Исѣевъ намъ устроилъ даровой проѣздъ по Волгѣ: онъ далъ мнѣ письмо къ секретарю „Цесаревны" въ Аничковъ дворецъ, и насъ снабдили открытымъ листомъ Общества „Самолетъ" отъ Твери до Саратова, какъ мы просили.

Петръ Ѳедоровичъ Исѣевъ былъ очень добръ ко мнѣ, и я всегда вспоминаю его съ большой благодарностью... А какъ уменъ былъ этотъ администраторъ, и какимъ гипнотизирующимъ вліяніемъ обладалъ онъ въ бюрократической сферѣ: даже сосланный въ Сибирь, и оттуда долго онъ посылалъ сюда, въ сферы, руководящія указанія и въ выборѣ лицъ и мѣръ. Какъ странно однако, что его, даже много лѣтъ спустя, не коснулась ни одна амнистія.

А я, будучи еще ученикомъ, адресовался къ нему однажды съ гораздо болѣе рискованной просьбою отъ всѣхъ товарищей и имѣлъ плодотворный успѣхъ. Это тоже слѣдуетъ здѣсь занести въ лѣтописи академической молодежи.

Въ серединѣ 60-хъ годовъ и у насъ, въ ошарпанныхъ еще до Исѣева коридорахъ Академіи Художествъ, и въ бѣднѣйшихъ трущобахъ ученическихъ вольныхъ квартиръ начали бурлить водовороты соціалистическихъ ключей изъ нѣдръ общаго настроенія тогдашней подземной океанъ-рѣки. Товарищи хотѣли устроить *кассу взаимопомощи* учениковъ Академіи Художествъ. Граверъ Панезеровъ (кривымъ выбритымъ черепомъ, низко надвинувшимся

ему на маленькіе татарскіе глазки, широкимъ ртомъ и большими ушами онъ былъ похожъ на острожника, но былъ добрый вятичъ, землякъ В. Васнецова)—Панезеровъ былъ иниціаторомъ проекта; у него на квартирѣ тайно собиралось много товарищей, тайно побывалъ и я.

Въ его двухъ комнатахъ было такъ накурено, и стояла такая убійственная духота, несмотря на отворенныя окна и холодную октябрьскую ночь, а толпа такъ какъ-то робко бродила, не останавливаясь и не садясь,—было не на чемъ,—что о правильномъ собраніи нельзя было и думать. Разспросивши еще въ стѣнахъ Академіи Панезерова, я видѣлъ, что ничего противозаконнаго, страшнаго въ этомъ незаконномъ скопищѣ нѣтъ, и теперь предложилъ заправиламъ обратиться къ начальству Академіи Художествъ и просить его разрѣшенія отвести намъ какой-нибудь классъ разъ въ недѣлю для выработки устава кассы и ея операцій.

На меня презрительно загалдѣли лѣвые друзья Панезерова. Ого!! Кто это предлагаетъ? А кто это донесетъ начальству?! Да вѣдь прогонятъ! Къ чему же и разводить это предательство? Къ чему усложнять дѣло такой ерундой?!. Шумъ поднялся до стуковъ стульями и палками...

Но въ концѣ спѣлись, и, такъ какъ дѣло считалось почти погибшимъ, то мнѣ, какъ виновнику предложенія сдачи, поручалось и итти лично къ Исѣеву и доложить ему уставъ, уже сформированный вчернѣ тайными собраніями товарищей.

— Какъ хорошо вы сдѣлали, что пришли съ этимъ прямо ко мнѣ,—сказалъ Петръ Ѳедоровичъ безъ всякаго удивленія, какъ будто ждалъ меня.—Знаете, я все время самъ думалъ объ этомъ и самъ хотѣлъ предложить ученикамъ основать кассу взаимопомощи. Уставчикъ я просмотрю потомъ. Но вотъ условіе: на засѣданіяхъ учениковъ будетъ въ качествѣ товарища предсѣдателя присутствовать помощникъ инспектора, нашъ милый Павелъ Васильевичъ Черкасовъ; его всѣ знаютъ, и ученики его очень любятъ...

Судьба избаловала меня славой не по заслугамъ. Такъ было и съ кассой. Когда я пришелъ на первое засѣданіе, П. В. Черкасовъ сидѣлъ уже на мѣстѣ и балагурилъ съ учениками. При видѣ меня онъ громко произнесъ: „а вотъ онъ, нашъ Рошфоръ“, и ученики встрѣтили меня громкими дружными аплодисментами. И впослѣдствіи считали меня иниціаторомъ кассы, а про Панезерова совсѣмъ забыли.

Касса эта существуетъ и доднесь.

Петръ Ѳедоровичъ понемногу привязывался къ Академіи Художествъ. Учениковъ считалъ близкими, слѣдилъ за ихъ работами и самъ поддерживалъ ихъ заказцами и покупками собственныхъ пробъ учениковъ, разумѣется, выдающихся способностей; это вовсе не предосудительно. Такъ и я лично былъ поддержанъ имъ въ очень трудныя минуты жизни.

Я очень бѣдствовалъ; я придумывалъ разные способы для продленія своего существованія. До поступленія П. Ѳ. Исѣева имѣя уже нѣсколько серебряныхъ медалей, я обращался съ прошеніями въ Академію Художествъ на имя кн. Гагарина (вице-президента Академіи Художествъ) и о пособіи, и о стипендіи, но безъ успѣха. Дѣлопроизводитель Зворскій, съ лицомъ самаго святого постника, потемнѣвшій, казалось, отъ необыкновенной сдержанности, задушевнымъ, даже упавшимъ голосомъ, приподнявъ брови, кротко отвѣчалъ мнѣ однимъ словомъ: *отказано*. Онъ былъ корректный исполнитель, и мнѣ было очень жаль его, что онъ въ такой несимпатичной роли. Я уже подумывалъ предложить себя въ натурщики Академіи: пятнадцать рублей въ мѣсяцъ и казенная квартира въ подвалахъ Академіи казались мнѣ завиднымъ обезпеченіемъ. У натурщиковъ много свободнаго времени, и они зарабатывали еще на сторонѣ, слѣдовательно, можно учиться. Но товарищи, кому я сообщалъ свое намѣреніе, смѣялись, покачивая головами; а Антокольскій даже строго, съ грустью осудилъ меня. Профессора не касались насъ, инспекторъ К. М. Шрейнцеръ, видимо, избѣгалъ. И вотъ это первое начальственное лицо, — Исѣевъ, — которое не боится даже говорить съ нами. Каждое утро скромно въ какомъ-то штатскомъ сѣромъ пальтишкѣ этотъ приземистый человѣкъ обходилъ всѣ закоулки Авгіевыхъ стойлъ нашего стараго, запущеннаго зданія, и вездѣ начинались ремонты и улучшенія. По Кушелевской галлереѣ, недавно только размѣщенной въ тѣхъ же, что и сейчасъ, залахъ, онъ также проходилъ въ одни и тѣ же часы и подолгу простаивалъ за моей спиной. Я копировалъ „Словоица“ Галле. Скромно, съ большимъ достоинствомъ онъ одобрялъ мою работу.

Понемногу я сталъ привыкать къ его визитамъ Кушелевки. Я вообще очень люблю умныя лица. Его простота и проницательность расположили меня настолько, что я рѣшилъ попытать еще разъ счастья просьбою о пособіи.

— А развѣ вы нуждаетесь?—тихо спросилъ онъ.—А эту копію вы дѣлаете по заказу?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ я ее у васъ покупаю; она, кажется, уже совсѣмъ готова? Какъ кончите, пришлите мнѣ ее со служи-

И. Е. Рѣпинъ (1870 г.). Рисунокъ Ѳ. А. Васильева.

телемъ и придите получить плату; надѣюсь, она не разоритъ меня, она мнѣ очень нравится. Этого „Словонца“ многіе копируютъ, но ваша копія лучшая изъ тѣхъ, что я видѣлъ здѣсь.

Глаза наши съ симпатіей встрѣтились, я почувствовалъ въ немъ друга, не начальство.

Такъ и на Волгѣ. Исѣевъ могущественно выручилъ насъ изъ грубыхъ тисковъ мѣстной полиціи, но объ этомъ впереди.

Игривыя предначертанія Ѳед. Александр. Васильева исполня-

лись съ точностью: черезъ три недѣли мы уже *ползли* по Волгѣ отъ самой Твери на плоскодонныхъ пароходикахъ компаніи „Самолетъ“ и были въ безумномъ упоеніи отъ всего. Началось это празднество жизни у насъ еще съ самаго начала сборовъ, какъ только я сдѣлался владѣтелемъ никогда раньше не бывшаго у меня капитала въ 200 р. Сначала было закуплено все самое необходимое, по авторитетнымъ доводамъ Васильева, напримѣръ, надувныя гуттаперчевыя подушки, оказавшіяся совершенно невозможными, по своей ласкѣ булыжника, да и сколькс времени брали онѣ на дутье, и какъ долго страдали мы, приспособляясь то къ большей, то къ самой маленькой надутости ихъ пустого нутра.

Василій Еф. Рѣпинъ, братъ И. Е. Рѣпина.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Самую большую тяжесть въ моемъ чемоданѣ составляли спиртовки, кастрюли и закупленные въ достаточномъ количествѣ макароны, сушки, рисъ и бисквиты „Альбертъ“. Мы ѣхали въ дикую, совершенно неизвѣстную міру *область Волги*, гдѣ, конечно, ничего подобнаго еще не знали...

У брата моего была несокрушимая и незаглушимая ничѣмъ страсть къ музыкѣ. Въ Чугуевѣ онъ овладѣлъ въ совершенствѣ только хохлацкою *сопилкою* и не разставался съ нею и въ Петербургѣ и на станціи Марьино (близъ Харькова), гдѣ онъ служилъ телеграфистомъ. Во время сборовъ въ дорогу, онъ сказалъ, что ему недостаетъ только флейты для полнаго счастья. Флейта была куплена, и теперь на

Волгѣ, на палубѣ парохода, онъ часто уподоблялся Орфею, котораго слушали всѣ, особенно третьеклассные пассажиры и куры, которыхъ щедро кормилъ поваръ на зарѣзъ. Я не мало дивился, какъ скоро мой Вася освоился съ заправскимъ инструментомъ, и какъ гармонически-безподобно шли звуки флейты къ широкимъ воднымъ и пустыннымъ пространствамъ. И мы слушали его, забываясь, подъ шумъ колесъ плоскодонной нашей *посуды*, какъ называютъ на Волгѣ всякое пловучее сооруженіе: расшиву, бѣляну, тихвинку, косовушку, заводню и т. п.

V.

Путешествіе.

Евг. Кирилл. Макаровъ противъ своей воли оказался безконечно комичнымъ при всей своей серьезности. Онъ, какъ столбовой дворянинъ Миргорода, достойно представлялъ честь своего сословія и былъ одѣтъ лучше насъ: даже цилиндръ на головѣ. Сапоги его сіяли идеальною чернотою, воротнички—бѣлизною; всѣ вещи у него были особенной добротности; шутить онъ не любилъ. Шутливость всецѣло принадлежала Васильеву, онъ превосходилъ всѣхъ насъ. И чѣмъ серьезнѣе старался быть Кирилычъ, тѣмъ болѣе густымъ взрывомъ общаго хохота завершался финалъ его чопорности, и, осклабивъ толстыя хохлацкія губы, онъ и самъ добродушно присоединялся ко всѣмъ. Особенную гордость свою—своихъ чистѣйшихъ рукавчиковъ—не могъ онъ даже скрыть, и они послужили надолго предметомъ неудержимаго смѣха Архипа Ив. Куинджи.

Однажды они съ Макаровымъ и Кившенко пробирались на лодкѣ по отмелямъ Петровскаго острова. Куинджи отличался физической силой, но былъ съ лѣнцой. Лодка сѣла на мель. Макаровъ и Кившенко выбивались изъ силъ, чтобы сдвинуть лодку. Наконецъ, лѣнивый Пацюкъ Куинджи, призываемый товарищами, всталъ и пошелъ къ борту, взялъ весло, уперся въ берегъ и такъ двинулъ лодку съ досады, что Кирилычъ опрокинулся навзничь черезъ бортъ лодки въ воду...

Ужасъ, не правда ли?! Но вдругъ раздался густой хохотъ Архипа: Макаровъ былъ въ водѣ весь, и только рукавчики его съ руками молили о помощи... Въ самую опасную минуту жизни онъ подумалъ о чистотѣ своихъ рукавчиковъ...

Въ верховьяхъ Волги — мы начали ее отъ Твери—плоскодонцы наши ползли черепашьимъ шагомъ; мы перезнакомились со всѣми дѣльцами: прасолами, рядчиками, купцами, повѣренными и разными прожектерами Сѣвера. Особенно много мы играли въ шахматы и тутъ не рѣдко попадали на настоящихъ заправскихъ игроковъ (теоретиковъ) и были убійственно сконфужены простоватыми на видъ провинціалами. По приказу Васильева, мы были острижены *подъ гребенки* („нумеровъ“ тогда еще не существовало),

Рыбинскъ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

имѣя „чудно̀й“ видъ („чудно̀й, а еще не стриженый“,—пословица). И это сначала заставляло степенныхъ торговцевъ, особенно изъ старовѣровъ, сторониться насъ; но Васильевъ былъ такъ очаровательно общителенъ, а братъ мой еще такъ провинціально-безхитростно откровененъ, что къ намъ скоро привыкали и отъ скуки льнули, какъ мухи. Самый общій успѣхъ нашъ былъ на палубѣ. Тамъ за нашими спинами всегда стояла гуща зрителей и громко разъясняла наши рисовальныя намѣренія; дѣловито, наскоро разспрашивали насъ, и быстро водворялась наша извѣстность: въ посудѣ мы становились своими.

Но не всегда же мы были съ альбомчиками. Васильевъ былъ завзятый, страстный охотникъ: онъ вытаскивалъ часто на палубу

свою дорогую, превосходную двухстволку и увлекалъ публику до чортиковъ охотничьими разсказами.

У брата моего также было ружьишко дешевенькое, и онъ не разставался съ нимъ, а на Васильева глядѣлъ, конечно, какъ на волшебнаго мага. Да и мы съ Кирилычемъ, хоть и не имѣли ружей и были всецѣло вѣрны только одному нашему искусству, а все же на этого чудо-мальчика, выскочку въ нашей области, забывъ всякое самолюбіе, смотрѣли широко отверстыми глазами (и ртами за компанію) отъ удивленія.

Онъ поражалъ насъ на каждой мало-мальски интересной остановкѣ. Въ продолженіе 10 минутъ, если пароходъ стоялъ, его тонко-заостренный карандашъ съ быстротой машинной швейной иглы черкалъ по маленькому листку его карманнаго альбомчика и обрисовывалъ вѣрно и впечатлительно цѣлую картину крутого берега съ покрившимися надъ кручей домиками, заборчиками, чахлыми деревцами и остроконечными колокольнями вдали. Вотъ и дорожка вьется наверхъ, прерываясь осыпями и зелеными лопухами; все до самой нижней площадки, пристани съ группами торговокъ подъ огромными зонтиками и деревянными навѣсами надъ своимъ скарбомъ,—все ловитъ магическій карандашъ Васильева: и фигурку на ходу, и лошадку на бѣгу, до самой команды парохода: „отдай чалку!“

Пароходъ трогался, магъ захлопывалъ альбомчикъ, и тотъ привычно нырялъ въ его боковой карманъ... Въ первые разы мы давались диву.

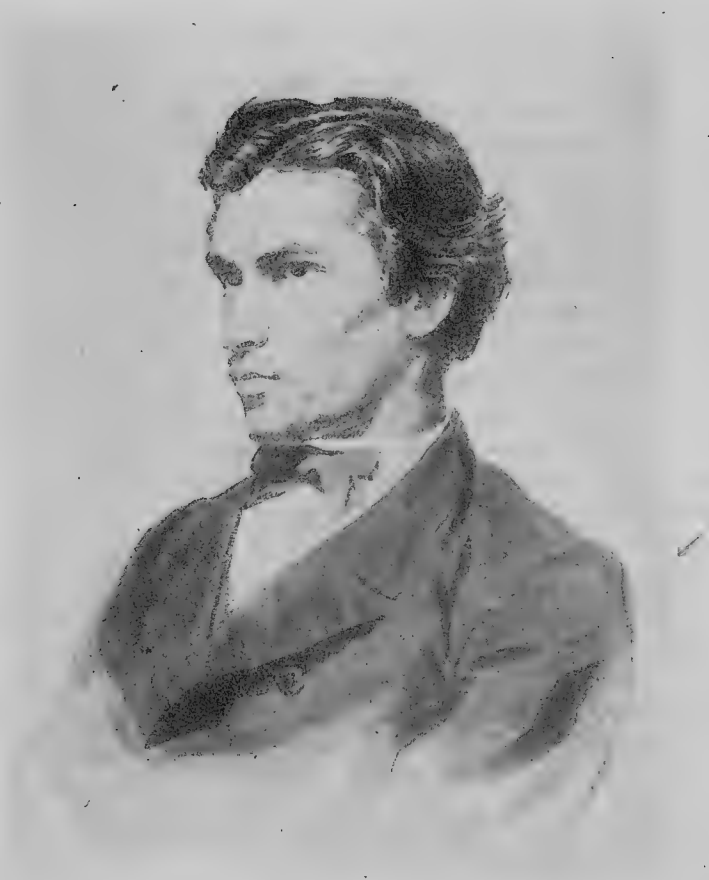
Особенно Кирилычъ; его изумленная, съ проѣденными на сластяхъ зубами, озадаченная физіономія вопросительно уставляется на меня.—О!? Ну, что ты скажешь? Вотъ чортъ: я бы не успѣлъ и альбомчикъ удобно разставить... Вотъ тебѣ и Академія, вотъ и натурные классы, и профессора! Все къ чорту пошло: вотъ художникъ, вотъ профессоръ... Талантъ, одно слово!

Это не была пустая фраза на языкѣ Кирилыча. Дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ мы взапуски рабски подражали Васильеву и до обожанія вѣрили ему. Этотъ живой, блестящій примѣръ исключалъ всякіе споры и не допускалъ разсужденій; онъ намъ былъ превосходнымъ учителемъ.

И училъ онъ насъ, хохоча надъ нашей дебелой отсталостью, радостно-любовно. Талантъ!

Евг. Кир. Макаровъ нѣкоторое время совсѣмъ не показывалъ своего альбома Васильеву, что называется, стыдился и исчезалъ куда-нибудь въ таинственныя мѣста.

Но вотъ наконецъ Кирилычъ выползаетъ откуда-то и, ухмы-



Художникъ Евг. Кир. Макаровъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

ляясь лукаво, прячетъ отъ Васильева свой колоссальный альбомъ: онъ только-что сидѣлъ со своей тяжелой ношей въ трюмѣ, гдѣ, облюбовавъ кого-то изъ лоцмановъ, предавался своему запою рыцарскаго рисованія—*безъ резинки*.

— Ну, свѣтикъ, не стыдись, чего кобенишься, какъ поповна въ невѣсты, показывай,—ласкаетъ его Васильевъ своимъ дружескимъ подтруниваньемъ.

— Да вѣдь я не успѣлъ закончить,—ворчитъ Макаровъ,—его вызвали свисткомъ... Э, чортъ...

— Ну, ну, слыхали. Давай, давай. А!.. А-а! а вѣдь недурно, смотри, Илья: ай, да Кирюха... Но только зачѣмъ же весь рисунокъ точно въ волосахъ? Волосы, волосы, волосы.

— Да понимаешь ли, я ищу, и при этомъ безъ резинки: да, хочу отучить себя отъ резинки,—бормочетъ, въ глубинѣ довольный собою, Кирилычъ: онъ страстно любилъ свою работу.

— И надо острѣе чинить карандашъ,—продолжаетъ, не глядя на него, докторально Васильевъ.—Такая гадость эти слѣпые, вялые штрихи. И ихъ совсѣмъ надо выбрасывать, особенно здѣсь, въ путешествіи. Ну, къ чему эта скучная тушовка? Вѣдь это надо хорошо фиксировать, а то все размажется. Ив. Ив. Шишкинъ, бывало, въ лѣто дѣлалъ массу рисунковъ; фиксативомъ онъ ихъ не хотѣлъ портить, тогда еще молокомъ фиксировали. Такъ вотъ передъ отъѣздомъ онъ складываетъ всѣ рисунки (у него они всѣ одного размѣра) и по краямъ, безъ милосердія, приколачиваетъ ихъ насквозь гвоздями къ доскѣ: только это и спасаетъ отъ размазни въ дорогѣ, по деревнямъ вѣдь въ телѣгахъ, безъ рессоръ. Альбомъ-то, альбомъ! Ну-ка дай. Ой-ой-ой! Какая тяжесть; а бумага дивная. И размѣръ!.. Ну, какъ же это ты будешь таскать на сеансахъ эту тяжесть?! Вѣдь подъ эту библію надо телѣгу запрягать.

Всѣ вещи Макарова отличались особою добротностью и цѣнностью; туалетомъ своимъ онъ занимался очень долго, внимательно; и даже ворчалъ со стономъ, если что-нибудь было въ неисправности. Вещичку дешеваго производства онъ отшвыривалъ съ презрѣніемъ и, если долженъ былъ ее надѣть за неимѣніемъ лучшей, то съ горечью вздыхалъ: эхъ, чортъ возьми, средствъ нѣтъ!.. Развѣ я носилъ бы эту гадость!..

Ростомъ Макаровъ былъ выше насъ всѣхъ; дородству его мѣшалъ развѣ смуглый цвѣтъ лица; даже руки его, особенно оттѣненныя бѣлизною рукавчиковъ, казались точно въ перчаткахъ цвѣта гаваннъ, тогда моднаго. Въ деревнѣ, впослѣдствіи, мужики считали его нашимъ начальникомъ; тамъ безъ начальства немыслимо, а по одежкѣ встрѣчаютъ.

Евг. Кирилловичъ долго чистился, мылся и прихорашивался всякое утро до выхода на этюды. На рукахъ рукавчики, а на ногахъ сапоги добавляли ему еще больше работы: надо было самому все чистить... Съ высокими голенищами охотничьи боты... Бывало, сбѣгаешь на этюдъ восхода солнца, бѣжишь въ припрыжку къ чаю, а онъ на крыльцѣ все еще хокаетъ на матовое пятно на голенищѣ, не поддающееся полировкѣ...

— Да, Макаръ, — настоящій баринъ, а эти-то, можетъ, изъ кантонистовъ, — разбирали насъ по-своему обыватели Ширяева Буерака, на Самарской лукѣ.

Но вѣдь это я, по своей нетерпѣливости, забѣжалъ впередъ.

А мы еще все пыхтимъ въ верховьѣ Волги и подъѣзжаемъ еще только къ „Плесамъ“.

Была уже ночь, лунная, теплая, лѣтняя. Съ Васильевымъ мы какъ-то спѣлись: быстро узнавали, долго ли стоитъ на пристани пароходъ, и сейчасъ же на берегъ, наверхъ, подальше, мѣста смотрѣть.

Луна, какъ и искусство вообще, очаровываетъ насъ, обобщая формы, выбрасывая подробныя детали. Много подробностей беретъ она въ тѣни, много предметовъ заливаетъ своимъ серебрянымъ свѣтомъ, и вотъ—самыя пошлыя, можетъ-быть, днемъ мѣста теперь кажутся необыкновенно таинственными. Былъ уже второй часъ ночи; мирные обыватели спали съ открытыми окнами; густыя группы сирени пластично стояли въ неподвижности и поили ароматомъ садики, спускающіеся террасами къ Волгѣ. Еще какія-то цвѣтущія фруктовыя деревья, а это розы. И соловьи, соловьи.

— Посмотри, какія звѣзды!—говоритъ Васильевъ.—Бездонное небо и какая широта, туда вдаль, за Волгу! А надъ всѣмъ Творецъ... Помнишь „Якова Пасынкова“? Ахъ, отсюда необходимо зачертить этотъ мотивъ. Какая красота! Но вотъ досада, — вскрикиваетъ онъ, — я забылъ свой альбомчикъ!

— Возьми мой,— предлагаю я свой,— но неужели ты видишь при лунѣ?..

— Дай, дай. — И онъ быстро чертилъ и прекрасно зарисовалъ выступъ садика надъ обрывомъ, и этотъ набросокъ есть у меня въ альбомчикѣ того времени.

Послѣ этого зачертка на Васильева нашло какое-то вдохно-

Типы бурлаковъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

веніе, эта истинная поэзія чувства, которая даже не поддается никакимъ словамъ. Она выливалась у него въ какой-то импровизаціи; это было стихотвореніе въ прозѣ, мелодекламація подъ звуки соловьевъ и лай собакъ вдали,—о необозримомъ мірѣ людей, погруженныхъ въ грезы сна... Его настроеніе передалось и мнѣ, и я почувствовалъ, что мы будто летимъ надъ всѣмъ раскинувшимся и исчезающимъ подъ нами луговымъ пространствомъ широкой Волги...

— А вѣдь это свистокъ нашей посуды!.. А мы забрались, кажется, уже очень далеко; ужъ не попробовать ли намъ вернуться напрямикъ сюда?.. Черезъ плетень.—И мы долго спрыгивали разными темными обрывами, узкими переулками, перелѣзая черезъ высокіе плетни и заборчики, пока, наконецъ, поспѣли къ третьему звонку.

— Куда вы пропали!—сердито ворчитъ Кирилычъ.—Капитанъ уже хотѣлъ отчаливать, и только я едва упросилъ... Публика ругается... Выдумали же въ дорогѣ исчезать ночью въ незнакомомъ городѣ...

— Отдай чалку! — слышится знакомый крикъ недовольнаго капитана. Мы едва успѣли перескочить трапъ. „Бухъ, бухъ, бухъ, бухъ“,—запѣнилась Волга; и мы ужъ съ палубы не можемъ различить наши фантастичныя высоты.

И пошли опять безконечно долгіе дни, безнадежно однообразные берега. Видѣлъ я и смѣшанныя, коллективныя усилія людей и скотовъ обоего пола, тянувшихъ все тѣ же невѣроятныя по своей длинѣ бечевы; группы этихъ бурлаковъ рисовались силуэтами надъ высокими обрывами и составляли унылый прибавокъ къ весьма унылому пейзажу.

„Это запѣвъ „Камаринской“ Глинки“,—думалось мнѣ. И, дѣйствительно, характеръ береговъ Волги на россійскомъ размахѣ своихъ протяженій даетъ образы для всѣхъ мотивовъ „Камаринской“, съ той же разработкой деталей въ своей оркестровкѣ. Послѣ безконечныхъ плавныхъ заунывныхъ линій запѣва вдругъ выскочитъ дерзкій уступъ, съ какою-нибудь корявой растительностью, разобьетъ тягучесть неволи свободнымъ скачкомъ, и опять тягота безъ конца... Въ то время я любилъ музыку больше всѣхъ искусствъ, пробирался на хоры въ концерты Дворянскаго Собранія, и потому и здѣсь къ необозримымъ, широкимъ видамъ примѣнялъ музыкальныя темы.

Васильевъ былъ необыкновенно музыкальная натура; онъ превосходно насвистывалъ лучшія мѣста знакомой музыки.

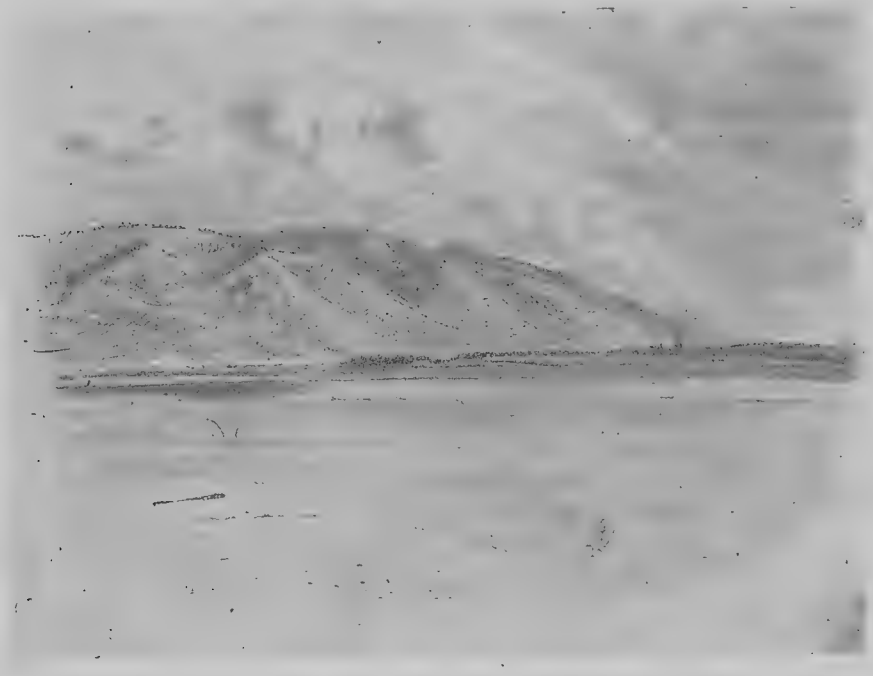
Макаровъ любилъ только живопись. Онъ увлекался до желанія копировать каждую выдающуюся вещь. Его завѣтною мечтою было скопировать „Явленіе Христа народу“ Иванова.

Эта идея была для него Меккой магометанина. Копировалъ онъ дивно, съ такою точностью, такъ тонко и любовно, что его копіи нравились мнѣ болѣе оригиналовъ. Я очень жалѣю, что ему не удалось скопировать геніальное произведеніе нашего великаго аскета римскаго. Мы имѣли бы повтореніе, и какое! Да, искусство только и вѣчно и драгоцѣнно любовью художника. Вотъ, напр., по заказу Дм. Вас. Стасова, Сѣровъ, еще будучи мальчикомъ, у меня въ Москвѣ скопировалъ „Патріарха Никона“ Вас. Гр. Шварца, и эта копія исполнена лучше оригинала, потому что Сѣровъ любилъ искусство больше, чѣмъ Шварцъ, и кисть его болѣе художественна.

На всѣхъ берегахъ Волги, т.-е. особенно на пристаняхъ, мы выбирали уже лучшія мѣста, чтобы остановиться, поработать на все лѣто. Разспрашивали бывалыхъ. И намъ дальше Саратова плыть не совѣтовали: тамъ-де уже скучныя и однообразныя мѣста пойдутъ, пространства широкія, берега разползаются по песчанымъ отмелямъ, совсѣмъ теряются.

— Лучше всего Жигули,—говорили всѣ въ одинъ голосъ.

Неужели лучше Нижняго-Новгорода? Этотъ царственно-поставленный надъ всѣмъ Востокомъ Россіи городъ совсѣмъ закру-



Жигули. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Нижній-Новгородъ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

жилъ наши головы. Мы захлебывались отъ восхищенія отъ его упоительныхъ далей, а на первомъ планѣ отъ его живой исторіи старой Руси съ ея художественностью и теплотою людей, цѣнившихъ жизнь, сильныхъ людей хорошей породы. Эти не любили селиться гдѣ-нибудь и какъ-нибудь.

Противъ самой лучшей точки Жигулей, по нашимъ вкусамъ, стоитъ на плоскомъ берегу Ставрополь самарскій. На обратномъ пути изъ Саратова мы и рѣшились остановиться тамъ и пожить, осмотрѣться. Въ Саратовѣ мы не покинули каютъ нашего Самолета. Онъ, простоявъ трое сутокъ, шелъ обратно вверхъ до Нижняго-Новгорода.

И вотъ на пристани Ставрополь мы впервые высадились въ неизвѣстной странѣ—„на Волгѣ“. До города верстъ пять по луговой отмели лихіе воровского вида извозчики съ веревочной упряжью, топорными телѣжками катили насъ на парѣ, какъ сумасшедшіе. Усѣвшись попарно, третьяго мы взяли для вещей и старались не упускать изъ виду нашихъ сундуковъ и чемодановъ. Съ запасами на все лѣто, они казались внушительными для захолустныхъ оборвышей.

— А есть ли въ Ставрополѣ хорошая гостиница? — спрашиваемъ мы нашего сорванца, когда, выбираясь изъ высохшаго русла половодей, онъ взбирался на горку потише.

— А какъ не быть? Только вѣдь въ гостиницѣ дорого... А вы надолго въ городѣ остановитесь?

— Да, можетъ-быть, недѣли на двѣ; а не знаешь ли ты

квартирки вольной, гдѣ бы мы могли пожить, чтобы намъ и пищу готовили?

— А какъ же, да вотъ хоть бы у Буяніхи двѣ хорошія чистыя комнаты, и готовить можетъ.

Вечеромъ и въ сумеркахъ становилось жутко. По руслу мы ѣхали, какъ въ каналѣ, ничего не видно за пригорками... А это что? Какъ будто скелетъ какого-нибудь допотопнаго ихтіозавра раскинулся чуть не на сто саженей, вонъ куда мы должны его объѣзжать, а толщина! За нимъ ничего не видно: двѣ-три лошади одну на другую поставь и то не заглянешь... Вотъ чудо!

— Что это такое?

— А это осокорь, стало-быть, льдомъ его сбило, да ужъ давно; видите, какой бѣленькій: вода всякую половодь его промываетъ, а годковъ полтораста постоялъ. Обогнули, опять на дорогѣ; вотъ и стоячіе стали попадаться, сырые; у этихъ только бѣлые низы, пока ледъ подымался и обглодалъ ихъ, да на нижнихъ выступахъ нацѣплялась масса пловучаго хворосту и бурьяну.

Въ сумеркахъ все жутче становилось. Куда мы ѣдемъ и что найдемъ?

— Какъ же это! Говорилъ, версты три, а мы, кажется, уже верстъ семь ѣдемъ,—тихонько ворчали мы, не безъ страха думая, что везетъ онъ насъ куда-нибудь къ разбойникамъ.

— А еще далеко?

— Да уже близехонько: вотъ за тѣмъ косогорьемъ и городъ будетъ виденъ.—И онъ опять быстро покатилъ между обшарпанными кустами, по извилистой дорогѣ... Страшно... Куда-то онъ насъ завезетъ!.. Ахъ, слава Богу, городъ виденъ. И мы радовались уже и скучнымъ плетнямъ, и пошлымъ заборамъ; кое-гдѣ зажигались огоньки. Слава Богу!

— Къ Буяніхѣ!—громко крикнулъ извозчикъ товарищу впереди съ сундуками. Прямо, стало-быть, на дворъ къ ней. Вотъ онъ. Дворъ разгороженный, крыльцо съ проломами; воротишки настежь, двери не затворяются. Сумерки. Вдали полураздѣтая дѣва мелькнула и исчезла. На сосѣднемъ крыльцѣ другой половины домишка какой-то усатый субъектъ разсматривалъ большой пистолетъ... дальше еще кто-то. Къ намъ, болтая толстымъ животомъ, спѣшила приземистая старушка.

— Пожалуйте, пожалуйте.—Голосъ добрый, но вѣдь это край неизвѣстный, дикій...

— Вотъ, вотъ сюда.—Комната въ три окна и къ ней — еще поменьше.

Я попробовалъ послѣ: ни одно окно не закрывается...

На насъ всѣ глядѣли испуганно, это чувствовалось...

Ложась спать, мы загородили всякое окно баррикадами на случай, если бы разбойники полѣзли къ намъ...

Вышелъ анекдотъ: мы спали съ дороги, какъ убитые, а хозяевамъ мы, гладко стриженные, показались бѣглыми арестантами. Они со страху пригласили даже сосѣда, стараго солдата съ кременнымъ пистолетомъ, и не спали всю ночь, прислушиваясь у нашихъ дверей...

Мы прожили здѣсь полмѣсяца, уже не затворяя ни дверей ни нашихъ сундуковъ. Хозяйка, съ такими огромными грудями, что ее мы прозвали *„балакирь“*,—такъ называютъ на всемъ По-

Дворъ Буянихи. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

волжьѣ кувшинъ для молока,—оказалась добрѣйшимъ существомъ. Она кормила насъ на убой, вкусно, и такъ дешево стоила вся приносимая ею съ базара намъ провизія, что послѣ ея вздоховъ и оховъ о дороговизнѣ всего мы едва-едва могли удерживаться, чтобы не прыснуть со смѣху отъ этой баснословной дешевизны. Но мы строго считали сдачу и дѣлали серьезный видъ, пока наша Балакирь была здѣсь, и только по выходѣ ея разражались неудержимымъ хохотомъ отъ этой захолустной мѣрки цѣнъ на продукты.

Ставрополь (Самарск. г.) стоитъ очень красиво на луговой сторонѣ, противъ Жигулей. Мы сторговали лодку на недѣлю и каждый день съ утра переѣзжали на ту сторону къ Жигулевскимъ высотамъ и исчезали тамъ въ непроходимомъ, вѣковѣчномъ лѣсу.

Съ Волги лѣсъ этотъ казался плотнымъ, зеленымъ, уходящимъ въ небо, и только вблизи, въ его темныхъ глубинахъ дѣлалось страшно карабкаться по скаламъ, чтобы взобраться куда-нибудь вверхъ, откуда уже открывались необозримыя пространства на обѣ стороны степей и зеленое море густого лѣса кленовъ, ясеней,

Базаръ въ Ставрополѣ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

дубовъ и прочихъ деревъ, отъ нашихъ ногъ раскатывавшагося волнами и цѣлыми необъятными долинами между горъ. Вотъ паритъ большой коршунъ по голубой дымкѣ прозрачнаго воздуха надъ лѣсомъ... Васильевъ—о, преступная страсть охотника!—мигомъ умѣло вскидываетъ къ плечу двухстволку. Грянулъ выстрѣлъ и сталъ повторяться сказочнымъ эхомъ отъ всѣхъ далекихъ горъ, такъ правильно отдѣленныхъ отъ насъ воздушной перспективой. Дрогнулъ коршунъ въ воздухѣ и сначала криво, а потомъ быстро, какъ пуля, засвистѣлъ къ вершинамъ деревъ

ниже насъ. Мы старались замѣтить мѣсто, чтобы поднять его въ лѣсу, но, слѣзая со скалъ, такъ запутались между громадными деревьями и густыми кустами орѣшника, что едва-едва выбились ужъ къ берегу Волги...

Что̀ всего поразительнѣе на Волгѣ, это пространства. Никакіе наши альбомы не вмѣщали непривычнаго кругозора.

Еще съ средины Волги или съ парохода видишь на гористой сторонѣ, на свѣтлой полоскѣ какихъ-то комаровъ; Боже, да вѣдь они шевелятся и едва-едва движутся впередъ... А это что̀ за волосокъ тянется къ нимъ?! Да вѣдь это же бурлаки тянутъ барку бечевой по берегу гористой стороны. Подъѣзжаемъ: свѣтлая полоска оказывается огромнымъ отлогимъ возвышеніемъ до лѣса, сплошь покрытымъ и изрытымъ глыбами свѣтлаго известняка, песчаника и гранита, наваленнаго острыми обломками неперелазныхъ размѣровъ отъ верхнихъ скалъ въ лѣсу. Ну, и утомительно же въ этой природѣ, гдѣ, кажется, еще не ступала ни одна человѣческая нога.

Но какая чистота воздуха! Намъ уже хочется ѣсть. А не пора ли намъ къ обѣду? Балакирь теперь сокрушается, что у нея все перепрѣетъ. Я стараюсь подладиться подъ Васильева, чтобы грести дружнѣе.

Рыбаки на Волгѣ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Песчаный берегъ Ставрополя такъ живописенъ. Сюда съѣзжается много барокъ со всякими продуктами; здѣсь хозяева развѣшиваютъ паруса на солнцѣ и раскладываютъ товаръ. Поливанные горшки, миски чередуются съ таранью—воблой (поволжски), а тамъ новыя колеса, дуги и прочіе житейскіе продукты. Подальше, на песчаномъ порогѣ, сдѣланномъ половодьемъ при спадѣ водъ, сидятъ рыбаки съ сѣтями, кто чинитъ, кто заряжаетъ крючки червяками, словомъ, всякъ у своего дѣла. И мы не можемъ утерпѣть: вынимаемъ свои альбомчики и начинаемъ зарисовывать лодки, завозни, косовухи и рыбаковъ. Все это дивно-живописно, только фоны не даются намъ: ихъ не вмѣстятъ никакіе размѣры...

VI.

Переѣздъ.

Заводня. (Изъ волжскихъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Къ Ставрополю мы стали привыкать и забывать о намѣченныхъ впереди мѣстахъ, выбранныхъ нами по красотѣ для остановки.

И насъ обыватели Ставрополя примѣтили и считали за землемѣровъ. Увидѣвъ насъ рисующими, проходящій прасолъ изрекъ эпически, нараспѣвъ: *„По Волгѣ по рѣкѣ“*.

Мѣстный мѣщанинъ обратился къ нему съ разспросами.

— Планиду списываютъ, — объяснилъ онъ съ важностью. Обратился къ намъ:

— А и трудная тоже ваша должность: по какимъ горамъ лазите. А много ли вы жалованья получаете?

— Мы еще учимся, — отвѣтилъ кто-то изъ насъ.

— Учитесь — а-а... Стало-быть, изъ кантонистовъ будутъ, — пояснилъ онъ товарищу.

Намъ надо было еще спуститься верстъ шестьдесятъ по теченію, чтобы посмотрѣть окрестности намѣченныхъ нами мѣстъ, нанять избу на все лѣто и переѣзжать. Васильевъ заботился и торопилъ.

Въ Ширяево рѣшено было съѣздить Васильеву и мнѣ.

Было начало іюня. Погода стояла дивная. Мы наняли лодку съ двумя гребцами: спустить насъ до Ширяева, противъ Царева Кургана, а оттуда намѣревались мы вернуться на пароходѣ.

Выѣхали мы съ восходомъ солнца, часа въ четыре. И рыбаки просили не опоздать, чтобы днемъ, въ самую припеку, имъ отдохнуть часа два. Какой былъ восходъ! Мы пришли къ лодкѣ раньше гребцовъ и, сидя, восхищались, какъ постепенно свѣтлѣла и расцвѣчивалась природа, особенно небо... Какъ мы жалѣемъ всѣхъ интеллигентовъ, которые никогда почти не видятъ восходовъ. Когда взошло и блеснуло солнце, то все потемнѣло, и глазамъ стало больно: пошли разноцвѣтные круги...

Теченіе Волги довольно быстрое; гребцы наши — мужики здоровые, а все же 60 верстъ тянулись долго, долго. Стало сильно припекать и клонить ко сну...

Но вотъ и Моркваши. День воскресный; на берегу — прибережные, любятъ Волгу и каждую свободную минуту высыпаютъ на берегъ. Насъ обступили. Какой красивый, дородный народъ! Высокіе цилиндры-гречневики, съ большимъ перехватомъ посрединѣ, такъ къ нимъ идутъ. И откуда у нихъ такая независимость, мажорность въ разговорѣ? И эта осанка, полная достоинства. Какъ ни станетъ мужикъ, все красиво. И бабы подходятъ. Тоже — княжны какія-то по складу: рослыя, красивыя, смѣлыя. Всѣмъ здѣсь говорятъ „ты“ обыватели, и за этимъ чувствуется равенство. Никакого подхалимства, никакой замашки услужить господамъ, словомъ, никакого холопства.

— А что, господа, вѣрно, къ мировому пріѣхали? Отсюда недалеко квартира — вонъ въ томъ домѣ, тамъ и дощечка прибита...

— А что, въ самомъ дѣлѣ, — шепчетъ мнѣ Васильевъ, — зайдемъ къ мировому, разспросимъ, познакомимся.

Я очень удивился этой неожиданности.

— Какъ же это къ незнакомому? Да вѣдь у насъ къ нему никакого дѣла нѣтъ.

— Э, пойдемъ, это интересно; иди за мною, увидишь, какъ живутъ провинціалы, вѣдь имъ тутъ скучно безъ людей; я ихъ знаю; и надо же изучать нравы.

И опять онъ заставилъ меня дивиться диву: передъ входомъ онъ натянулъ лайковыя перчатки, граціозно взялъ въ руку тросточку, обмахнулъ платкомъ пыль на ботинкахъ съ крючками... Ну, просто, вошелъ такой столичный франтъ, завсегдатай салоновъ недурного тона; такъ мило извинился вначалѣ, такъ бойко коснулся всѣхъ вопросовъ, такъ умѣло навелъ мирового на разсказы о своей практикѣ и окрестныхъ интересахъ, что разставался мировой съ нами уже дружески и непритворно жалѣлъ, что визитъ нашъ такой короткій. Отъ него мы узнали, что на ближайшей скалѣ надъ Волгой Петръ Великій собственноручно высѣкъ на камнѣ свое имя. Мы сейчасъ же туда. Здорово вспотѣли, пока взобрались; воротнички раскисли, сапоги ошарпались... Дѣйствительно надпись была, хотя мѣстами песчаникъ временемъ и непогодами сильно вывѣтрился, и разобрать надпись не безъ труда можно было. Сверху намъ казалось, что Волга подходитъ къ самой горѣ, почти отвѣсно стоящей къ берегу, но, сколько мы ни старались, не могли добросить камня до воды; а бросать камешки и я былъ охочъ и умѣлъ, все черезъ Донецъ, бывало, бросалъ, въ дѣтствѣ.

Очень понравились намъ Моркваши; но наша цѣль—Царевъ Курганъ, а до него еще верстъ 20 оставалось. Ѣдемъ...

Эта меньшая часть намъ показалось гораздо тяжелѣе. Рыбаки наши пріустали (поди-ка, отмахай столько веслами!). Они посадили третьяго съ собою; такимъ образомъ установилась очередь: одинъ отдыхалъ.

Я сталъ зарисовывать свободнаго въ карманномъ альбомчикѣ.

— Ну, что, много списали?—острилъ онъ.—Аршинъ, чай, списали; а еще верстъ десятокъ осталось?

— „Ну, что, много списали?“ (Изъ волжскихъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Только часамъ къ семи вечера мы добрались до Ширяева Буерака.

И тутъ насъ обступили, но народъ былъ уже наполовину не тотъ. (Эти были прежде крѣпостными). Мы стали разспрашивать объ избѣ на все лѣто, и одинъ хозяинъ повелъ насъ въ свою чистую половину избы: она была раздѣлена на три части, и здѣсь мы рѣшили поселиться. Стали торговаться съ хозяиномъ и сошлись на 13 рубляхъ—*платить намъ за все лѣто.*

Дня черезъ два мы переѣхали.

Какая скука — пароходная неаккуратность! По расписанію изъ тѣхъ мѣстъ надо быть на пристани къ двумъ часамъ ночи. Ждешь, ждешь, а пароходъ опоздаетъ иногда на весь день! То туманы по утрамъ, то погрузка задержитъ...

Но, преодолѣвъ все это, мы съ сундуками опять проѣхали на подводахъ изъ Ставрополя опустѣвшее старое русло Волги, опять удивлялись костямъ великановъ-осокорей и до очарованія не могли наглядѣться на противоположный лѣсистый берегъ. Зеленый, темный, красивыми возвышенностями уходилъ онъ въ небо. И дивно, дивно колебался въ темно-зеленой водѣ широкими сочными мазками! Какая роскошь, безграничность! И веселье какое-то

„Завозня". (Изъ волжскихъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

не покидаетъ васъ на Волгѣ. Ширь, просторъ, да и встрѣчи поминутныя. То тянутся плоты безконечной вереницей, то бѣляна, важно, увѣсисто нагруженная бѣлыми досками, блеститъ на солнцѣ, какъ золотая, и тихо поскрипываетъ. Всѣ встрѣчные салютуютъ пароходу, махаютъ шапками; кричатъ что-то, даже дѣловое, и съ парохода нѣкто отвѣчаетъ: какіе-то наказы, порученія. А вотъ пароходъ „бѣжитъ“ навстрѣчу, всѣхъ занимаетъ, очень важно, какой компаніи? Нѣкоторые все знаютъ. Подаетъ свистокъ. Вонъ тамъ, смотрите, смотрите, какъ сильно колыхнулись косовушки; вотъ и насъ хлестнуло высокой волной.—„Смотри, смотри! — призываетъ Васильевъ меня. — Опять бурлаки барку, видишь, тянутъ; это ужасъ, какая длинная бечева! Ай-ай, какъ ихъ барку качнуло, даже назадъ попятились. А на берегу-то, на берегу! Смотрите, какъ бросились рыбаки къ своимъ лодкамъ!“ Лодки подбросило сначала вверхъ до камней, а потомъ потянуло отъ берега; унесетъ, пожалуй, и, вѣрно, глубоко влѣзаютъ въ воду до самой груди, даже вплавь бросились, а то занесетъ, поди, догоняй лодку: какъ тутъ быстро вода идетъ. Трактъ бойкій. Что-то опять вдали показалось.

— О-о, гляди, гляди! — завозня черезъ Волгу переправляется, вѣрно, на косовицу. Пароходъ убавилъ ходу, чтобы не потопить переѣзжавшихъ. Какъ нагружена! И лошади, и телѣга, и корова съ теленкомъ; народу масса, завозня до самыхъ краевъ сѣла въ воду. А на веслахъ *бабы*, бабы гребутъ, весла большія распашныя; вотъ она, бабья сила. Еще вонъ: показалась вдали на нашемъ пути лодка съ пассажирами, и въ ней дамы съ зонтиками; машутъ намъ платками. Капитанъ далъ свистокъ, колеса остановились... Тихо стало. „Задній ходъ!“ Мы поровнялись съ лодкой. „Стопъ!“—командуетъ рулевой; выбросили трапъ, и пассажировъ со всѣми ихъ продуктами и чемоданами приняли на пароходъ.

— Ну, братцы, вѣдь скоро и намъ высаживаться; смотрите, не забыли ли чего, подвигайтесь-ка съ чемоданами и сундуками къ трапу правой стороны. Какъ быстро пароходъ идетъ,— *„бѣжитъ“*, говорятъ мужики: вотъ ревнивые оберегатели русскаго языка; сейчасъ засмѣютъ, если не вѣрно выразиться. И тутъ такъ хлопочетъ нашъ старшій опекунъ, нашъ молодой Васильевъ...

— Ого! Какъ скоро уже и Моркваши пробѣжали; скоро и наше Ширяево.

— Капитанъ, будьте любезны дать свистокъ, не доѣзжая Лысой горы: тутъ за нами лодка должна выѣхать, — звонко отчеканиваетъ Васильевъ капитану. Свистокъ раздался такой громкій, что даже уши заложило.

Видимъ, на средину Волги выѣзжаетъ большая завозня и еще двѣ лодки. Капитанъ скомандовалъ задній ходъ... Смятеніе, лоцмана засуетились сносить наши сундуки къ трапу; въ лодкѣ ихъ приняли умѣло, безъ суеты и опасности. Подали и намъ руки снизу: „прыгайте на середину!“ Мы весело-растерянно раскланиваемся съ капитаномъ, пароходомъ, добродушными лоцманами и публикой заодно.

VII.

Ширяево.

— Ну, куда-то Господь привелъ насъ?—шепчемся.

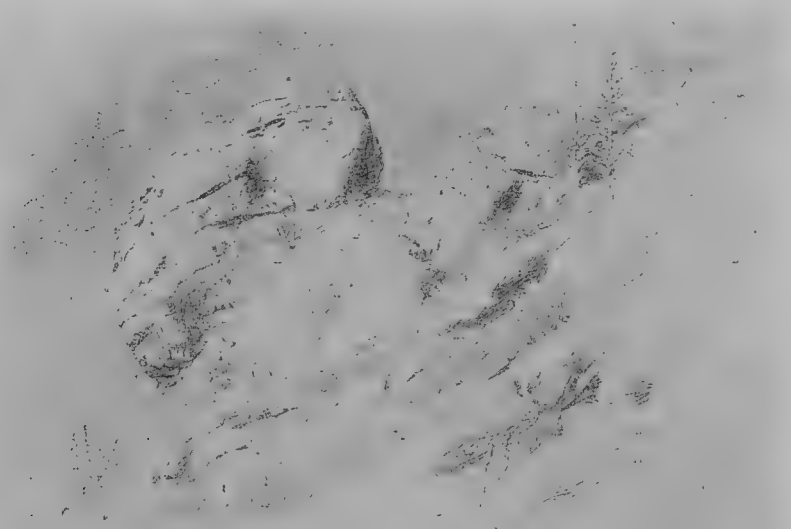
— Къ Ивану Алексѣеву, знаете?—хозяйственно распоряжается Васильевъ.

— Знаемъ, знаемъ: вонъ на берегу высыпала вся семья, ждутъ васъ съ утра.

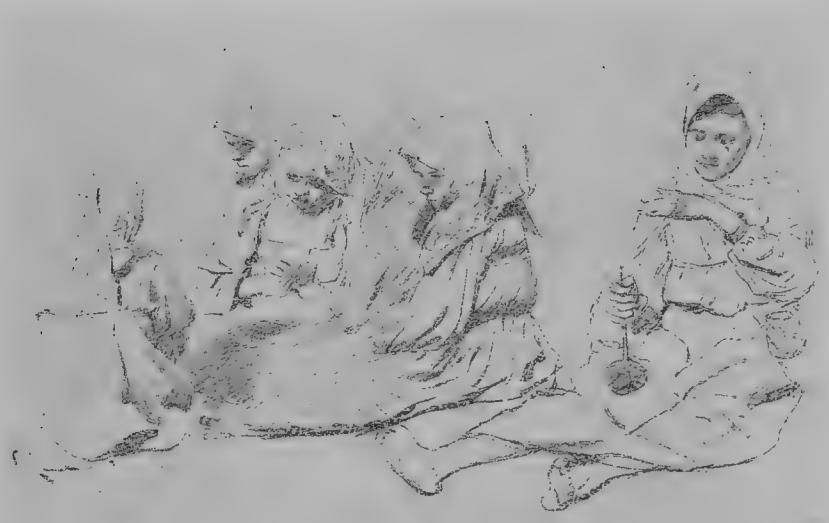
— Ну, вотъ мы и дома, на все лѣто уже здѣсь останемся.

— Давайте устраиваться въ избѣ: кто гдѣ помѣстится.

— А что, здѣсь по берегу охотиться можно?—спрашиваетъ Васильевъ мужиковъ.



„Сфинксъ“. (Изъ волжскихъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).



Дѣвочки (неоконченный набросокъ). (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

— А когда же, чай, нѣтъ...—отвѣчаютъ ширяевцы,—да вѣдь до Петрова дня нельзя. Запрещено начальствомъ строго.

— А? Ну, мы такъ, мѣста посмотримъ. Василій Ефимовичъ, берите свое ружьишко и айда-те, какъ говорятъ здѣсь всѣ.

На другой день, послѣ чаю, мы сразу разбрелись въ разныя стороны.

Макаровъ неудержимо поползъ наверхъ къ большимъ глыбамъ и плитамъ песчаника въ видѣ сфинкса, Васильевъ съ братомъ—въ Козьи Рожки верхнею тропою; а я взялъ альбомъ и пошелъ въ противоположную сторону къ *Воложкѣ*, какъ называютъ ближайшіе небольшіе притоки Волги.

Спустившись нѣсколькими порогами, въ родѣ ступеней огромной лѣстницы изъ песку, отъ половоди, я увидѣлъ въ уютномъ уголкѣ надъ водой душъ двадцать дѣвчонокъ, отъ 10—4 лѣтъ. Онѣ сидѣли и, какъ умѣютъ только деревенскія дѣти (и люди), ничего не дѣлали.

Я подсѣлъ къ сторонѣ и вижу: прекрасная группа дѣтишекъ лѣпится на импровизированныхъ ступеняхъ Волги.

Дѣти сначала почти не обратили на меня вниманія и потому все больше о чемъ-то болтали между собою и играли въ „черепочки“. Вообще деревенскія дѣти очень умны, необыкновенно наблюда-

тельны, а главное, они въ совершенствѣ обладаютъ чутьемъ въ опредѣленіи всѣхъ явленій жизни, отлично оцѣниваютъ и животныхъ и людей, въ смыслѣ опасности для себя.

— Дѣтки!—говорю я громко, когда почувствовалъ, что ко мнѣ уже достаточно привыкли, — посидите такъ смирно, не шевелясь: каждой, кто высидитъ *пять минутъ*, я дамъ 5 копеекъ. — Дѣвчонки это вдругъ поняли, застыли въ своихъ положеніяхъ и я — о, блаженство, читатель! — я съ дрожью удовольствія сталъ бѣгать карандашомъ по листку альбома, ловя характеры, формовки, движенія маленькихъ фигурокъ, такъ прелестно сплетавшихся въ полевой букетъ... Будто ихъ кто усаживалъ.

Невольно возникаютъ въ такихъ случаяхъ прежнія требованія критики и публики отъ психологіи художника: что онъ думалъ, чѣмъ руководился въ выборѣ сюжета; какой опытъ или символъ заключаетъ въ себѣ его идея?

Ничего! Весь міръ забытъ; ничего не нужно художнику, кромѣ этихъ живыхъ формъ; въ нихъ самихъ теперь для него весь смыслъ и весь интересъ жизни. Счастливыя минуты упоенія; не чувствуетъ онъ, что отсидѣлъ ногу, что сырость проникаетъ къ нему черезъ пальто (почва еще не совсѣмъ обсохла). Словомъ, художникъ счастливъ, наслаждается и не видитъ уже ничего кругомъ... Какая-то баба пришла, остановилась... Но я почувствовалъ инстинктивно, что она въ волненіи. Взглянулъ на нее: она стоитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Отъ моего взгляда она попятилась, исчезла. Мы были внизу. И слѣдъ ея сейчасъ же скрывался за подъемомъ... Пришла другая баба, что-то прошептала дѣвчонкамъ; эта вдругъ схватила за косенки одну дѣвочку и вытащила ее наверхъ, откуда уже спускались двѣ новыхъ бабы; одна изъ нихъ презлющая, съ хворостиной въ рукѣ... И начались громкія ругательства. Нигдѣ такъ не ругаются, какъ на Волгѣ. Это слыхали многіе и знаютъ, но чтобы бабы такъ ругались, этого, признаться, я и не воображалъ и ни за что не повѣрилъ бы, что мать можетъ ругать такъ свою дѣвчонку уже лѣтъ 10-ти, такъ громко, при всѣхъ...

— Чего вы, чертенята, сидите? Развѣ не видите?!. Вѣдь это самъ дьяволъ, онъ васъ околдовалъ... Бросьте деньги: это черепки! Вотъ завтра увидите сами...— и вдругъ стала хлестать хворостиной безъ разбору весь мой живой цвѣтничокъ. Дѣвочки завизжали, побросали пятачки, которые я такъ аккуратно выдавалъ каждой фигуркѣ, чтобы поселить въ нихъ довѣріе. Разсыпались мои натурщицы всѣ и сейчасъ же исчезли за подъемомъ. Я въ горести напрасной всталъ и недоумѣвалъ, что произошло; но ко

Волжскіе типы. Калмыкъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

мнѣ уже спускались около десятка бабъ и трое мужиковъ. Всѣ они таинственно шептались. Подступили. Лица злыя.

— Ты чаво тутъ дѣлашь?—спрашиваютъ меня, какъ мошенника или вора.

— Да я на картинку ихъ списывалъ, — стараюсь я быть понятнымъ.

— Знамъ, что списывалъ; а ты кто таковъ будешь?

— Да вѣдь мы вчера пріѣхали, у Ивана Алексѣева остановились въ избѣ.

— А паспортъ у те есть?

— Есть паспортъ, на квартирѣ.

За это время группа, окружавшая меня, значительно увеличилась новопришедшими бабами и мужиками; всѣ что-то шептали, указывали на пятачки, все еще валявшіеся тутъ же, и дѣлались все мрачнѣе и злѣе.

— Подавай намъ пачпортъ, — гудятъ на разные лады мужики,—зубы не заговаривай!

— Пойдемте къ квартирѣ,—успокаиваю я,—мы не бѣглые какіе.

Академическія свидѣтельства тогда выдавались съ приложеніемъ большой круглой академической печати въ родѣ церковныхъ (на метрикахъ). Курсивомъ былъ литографированъ текстъ, въ которомъ—о, предупредительные насадители искусства въ Россіи, они какъ будто предчувствовали эти недоразумѣнія!—на противоположной сторонѣ листка свидѣтельства петитомъ напечатано было: лица начальствующія благоволятъ оказывать содѣйствія при занятіяхъ ученику такому-то... Пишу своими словами и не ручаюсь за точность словъ.

Признаюсь, я самъ только тамъ, въ избѣ, прежде, чѣмъ вынести свое свидѣтельство, прочиталъ его про себя и очень обрадовался.

— Да рази такіе пачпорта? Это не пачпортъ!.. Ты, братъ, зубы-то не заговаривай, видали.

— А что тутъ прописано?—назойливо тянетъ одинъ старикашка.—А ты прочитай, вѣдь мы народъ темный.

— Да читайте сами; а то, пожалуй, не повѣрите,—возражаю я.

Оказалось, во всей честной улицѣ изъ 30 душъ обоего пола—ни одного грамотнаго...

— Ну, что же, позовите дьячка какого-нибудь,—совѣтую я.

— Да гдѣ онъ? У насъ церкви нѣтъ.

— Ларька!—крикнулъ одинъ мужикъ побойчѣе мальчишкѣ,—забѣги на мой дворъ, сядь на пѣгаго мерина и айда въ Козьи Рожки за писаремъ!..

Уже по дорогѣ, когда меня вели, какъ пойманнаго преступника, многіе, особенно уже бурлаковавшіе саврасы, приставали и довольно нахально напирали на меня въ толпѣ, готовясь проучить. Теперь въ ожиданіи писаря толпа росла и загородила всю улицу передъ нашей квартирой; работы въ полѣ кончились, и обыватели освобождались и ѣхали и шли къ избамъ. Ко мнѣ подступали все ближе и разсматривали съ желаніемъ сорвать зло.

— А, вонъ писарь ѣдетъ, писарь, писарь! — сказали, указывая на бородатаго мужика, рысившаго на пѣгомъ, широко разставивъ локти. Мужикъ въ красной рубахѣ, огромной наружности, на писаря не былъ похожъ нисколько — какъ есть бурлакъ; лицо отекшее, пьющій.

Вентерь. (Изъ волжскихъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

VIII

Императорская печать.

Ему передали мой паспортъ. Онъ грамотно прочиталъ его; но, вѣроятно, скорѣе, чѣмъ способно схватить ухо простолюдина.

Вотъ опять придется замѣтить: насколько дѣти деревенскія умны, догадливы и культурны (все, все знаютъ дѣти деревенскія и могутъ многому научить взрослыхъ), настолько тупы, глупы и совершенно необразованы взрослые мужики: особенно отъ 20 до 30 и даже до 40 лѣтъ: какъ бревно, ничего не понимаетъ.

— А это что же за печать такая?—ткнулъ большимъ чернымъ пальцемъ ближайшій мужикъ въ мой паспортъ у писаря.

— А это: „печать Императорской Академіи Художествъ“...— прочелъ казенно писарь, поворачивая кругъ.

Эффектъ вышелъ превзошедшимъ всѣ мои желанія.

Толпа вдругъ замерла и попятилась назадъ; тихо, инстинктивно стали бойцы-дерзилы затасовываться другъ за дружку. Какъ будто даже всѣ лица вдругъ потемнѣли; глаза уже смотрѣли или въ землю, или вбокъ куда-то, съ явнымъ намѣреніемъ скрыться...

„Императорская печать... Императорская печать... Слышь... ты?..“—какъ-то шуршало въ толпѣ и, расходясь, таяло вмѣстѣ съ ней...

А вонъ, кстати, и наши: Макаровъ, и Васильевъ, и мой братъ возвращались домой...

— Это что! Э-э-э... это что! — уже паясничалъ Васильевъ издали.—Что? Имъ паспорта? Вишь, начальство!

Сейчасъ же къ писарю: зайдите къ намъ, мы вамъ все подробно объяснимъ, кто мы, а вы ужъ, пожалуйста, вразумите этихъ чудаковъ...

— Ну, что вы, ребята,—обратился Васильевъ къ мужикамъ,—вѣдь мы не краденные: цѣлое лѣто будемъ жить у васъ: справиться о насъ у начальства въ Петербургѣ можете. Ну, маршъ, по домамъ; вишь ярмарку какую устроили! — весело командуетъ Васильевъ.—Какъ они васъ притиснули!

— Айда-те, братцы, ужинъ варить, — уже обратился онъ къ намъ.—Ну, Василій Ефимовичъ доставайте-ка спиртовки, макароны, смоленскую крупу; это намъ не Ставрополь: тутъ, я думаю, никто не умѣетъ готовить... А ѣсть какъ хочется!

— Кромѣ молока, можно ли тутъ чего-нибудь достать на приварокъ? — обратился Васильевъ къ бабамъ.

— Да, чай, можно; гдѣ же, чай, нѣтъ; вѣстимо можно, только это ужъ завтра: рыбаки стерлядки принесутъ. Когда же, чай, нѣтъ? Слава Богу, у насъ все есть,— поясняютъ бабы.

— А!.. Стерляди?.. Стерляжью уху будемъ варить, вотъ такъ фунтъ!— восхищается Васильевъ.

И мы стали варить макароны. Принесли молоко, черный хлѣбъ и т. д. Мы такъ нахватались; стало темнѣть; захотѣлось спать; и меня долго ночью одолѣвали кошмары. А тутъ еще: матрацовъ никакихъ, скамейка твердая, узкая; я закрылъ ее, чѣмъ могъ: шелковымъ восточнымъ кускомъ тонкой матеріи да простыней, больше нечѣмъ. Жестко было сначала, но въ теченіе лѣта я привыкъ къ этому жесткому ложу. (А вотъ попробовалъ-было теперь, два года назадъ, такъ не выдержалъ: такъ бока разболѣлись! Никакой возможности терпѣть не стало, бросилъ).

Писарь сталъ предлагать намъ разныя услуги, но намъ онъ не внушалъ ни дружбы ни симпатіи, и мы отказались.

Самара. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

— А вотъ что̀, братцы, надо намъ собрать бѣлье и отдать перемыть...—Собрали, записали, отдали. И что̀ же оказалось? Черезъ недѣлю, когда намъ принесли хозяйскія бабы наше вымытое бѣлье, мы въ недоумѣніи робко взглянули на него и только вздохнули... Бабамъ промолчали, конечно: дешево. Но полѣзли доставать уже брошенное прежде въ грязное: оно оказалось аристократической чистоты. Вымытое бабами было цвѣта кофейнаго крема, и все въ мелкихъ морщинахъ. Оно даже катано не было; а какъ-то *сложено* кое-какъ. Едва разобрали, которое — чье... Рѣшаемъ возить въ Самару и тамъ отдавать бѣлье въ стирку.

Самара отъ Ширяева всего 15 верстъ: только обогнуть Самарскую Луку, послѣ Царевщины, за Козьими Рожками, скоро и Самара видна. И мы въ продолженіе лѣта часто ѣздили туда за покупками консервовъ, сушекъ, чаю, сахару и всего, что̀ требовалось. Все это брали мы въ магазинѣ Санина.

Сложилось какъ-то, что мы къ вечеру, убирая кисти, палитры и проч., напѣвали что-нибудь. У Васильева былъ довольно звучный теноръ; я подхватывалъ вторить, братъ выводилъ высокія варіаціи на флейтѣ; только Макаровъ, какъ истинный баринъ, въ совершенствѣ оправдывалъ замѣчаніе Тургенева: „не фальшиво-поющаго русскаго барина мы еще не встрѣчали“.

Но Макаровъ умно держался: никогда не открывалъ рта для пѣнія.

Особенно прижилась къ намъ пѣсенка-романсъ: „Поле ростится“...

— Посмотрите! — случайно кто-то взглянувъ въ окно, повторилъ:—посмотрите!—Передъ нашими окнами стояла уже порядочная кучка людей.

— А что, нравится? Хорошо мы поемъ? — спрашиваетъ Васильевъ.

— А когда же, чай, нѣтъ,—отвѣчаетъ мужикъ,—больно гоже. А что это, дозвольте спросить, ваше благородіе, молитва такая? Вы какой вѣры будете?

— Что ты, что ты, какая же это молитва? Просто пѣсенка.

— Гоже, гоже; а мы думаемъ: словно какъ въ церкви поютъ. Извѣстно, что мы знаемъ?..

Къ этому заключенію привело ширяевцевъ пѣтое нами „Коль Славенъ“ и „По небу полуночи ангелъ летѣлъ“.

IX.

Натура—учитель.

Жизнь наша пошла мирно и плодотворно для насъ.

Въ кустарникахъ, на Лысой Горѣ, я впервые уразумѣлъ законы композиціи: ея рельефъ и перспективу. Растрепанный, чахлый кустарникъ на первомъ планѣ занимаетъ огромное пространство картины; кокетливо, красиво онъ прячетъ собою лѣсную тропинку; а великолѣпную группу деревьевъ второго плана дѣлаетъ фономъ. Вотъ рельефъ картины; а мы все барельефы сочиняли въ Академіи.

Вечерами, за чаемъ, мы дѣлились своими наблюденіями; спорили, острили и много смѣялись. Конечно, запѣвалой былъ Васильевъ. Вечера еще были очень маленькіе; а мы старались раньше вставать. У меня былъ затѣянъ этюдъ восхода солнца съ Лысой горы на Ширяево. Его можно было писать только до половины 7-го отъ 5 час. утра.

Какая фантазія—эти дымы изъ трубъ! Они такъ играютъ передъ солнцемъ. Безконечные варіанты и въ формахъ и въ освѣщеніяхъ, то раскинутыхъ кисейнымъ флеромъ, то сгустившихся одинъ надъ другимъ густыми облаками. Надо ловить: никогда мотивы не повторяются точь въ точь.

Иногда вдругъ туманъ приползетъ по Волгѣ и станетъ стѣною, закроетъ всю Курумчу, и ничего не видно на лѣвой луговой сторонѣ. Во время этюда постоянство мальчика-пастуха меня начинаетъ удивлять: онъ стоитъ передо мною на разстояніи шаговъ сорока, будто позируетъ мнѣ, застылъ, не шевельнется.

Надо его разспросить; какъ жаль, я все ловлю дымъ и никакъ не могъ удосужиться его набросать... Посмотрѣлъ на часы... А-а, мнѣ пора къ чаю; собираю ящикъ, бѣгу рысью, чтобы не опоздать... мимо пастуха.

— А что это ты тутъ стоишь? Вѣдь что же: ты отсюда ничего не видишь? (Я разумѣю свою работу, которая была загорожена отъ него крышкой ящика)

— Больно гоже,—говоритъ пастушокъ.

— А что гоже?—не понимаю я.—Что же ты смотришь? вѣдь не меня; такъ что же гоже-то?

— А блеститъ,—говоритъ мальчикъ.

— А что такое тамъ блеститъ, вѣдь ничего, кажется, нѣтъ?—удивляюсь, оборачиваясь назадъ.

Пастушокъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

— А вотъ эта крышка блеститъ, — указываетъ онъ на мой ящикъ, висѣвшій уже на моемъ плечѣ, на ремнѣ.

Каково! Его приковывала лакированная крышка ящика, блестѣвшая на солнцѣ... Вотъ спектакль!.. Какъ они нетребовательны.

Еще издали, съ горы, я увидѣлъ, что на крыльцѣ Кирилычъ углубленно чистилъ свои боты и сознательно хокалъ на матовыя пятна... Ну, значитъ, я не опоздалъ. А въ туманѣ невидимкой и пыхтѣлъ и свистѣлъ подошедшій, спрятанный туманомъ пароходъ — очень смѣшны были звуки—такъ близко, какъ за стѣной, въ банѣ, звукъ мягко шипѣлъ. Все больше окрашивался туманъ молочнымъ цвѣтомъ. Наконецъ-то показался носъ парохода, мачта съ флажкомъ. И,— о радость для всѣхъ пассажировъ!—они узрѣли пространство и покатили смѣло. „Полный ходъ!“..—отрубаетъ капитанъ.

Мирно и полезно мы научились сами себѣ мыть носовые платки и даже кое-что изъ бѣлья, если заказы изъ Самары не поспѣвали во-время. Продовольствіемъ и стряпней занялись Васильевъ съ моимъ братомъ послѣ того, какъ солдатка Марья на пробу сварила намъ обѣдъ... Ничего въ ротъ нельзя было взять. Стерлядей приносили намъ вязанками, небольшихъ, но свѣжихъ, и мы болѣе чѣмъ наслаждались стерляжьей ухой, подернутой янтаремъ.

Подъ нашими окнами къ вечеру группа слушателей увеличивались до толпы; это заставляло насъ стараться не ударить лицомъ въ грязь. Но страшно надоѣло. „Поле росится“ мы уже запретили для себя. Пошла въ Ширяевѣ слава о нашей живописи, но не вдругъ. Послѣ чая утромъ я спеціально шелъ на берегъ охотиться на моихъ „бурлаковъ“.

Пройдя каменистымъ берегомъ выше Лысой Горы верхней тропинкой, — я поджидалъ барку съ луговой стороны: здѣсь на одной изъ отмелей бурлаки складывали лямки, подбирали бичеву, садились, ложились въ сладкой нѣгѣ и свободѣ на палубѣ и иногда даже запѣвали. Мнѣ все слышно сверху и видно, какъ на ладони.

На ходу, во время тяги лямокъ, я никогда не слыхалъ поющихъ бурлаковъ: это и неудобно и тяжело; особенно на мѣстахъ быстрыхъ, когда надо крѣпко упираться ногами, чтобы не сорвало назадъ...

Противъ чистой золотой косы-отмели я сижу на гористой сторонѣ, мнѣ слышенъ всякій звукъ и видны хорошо всѣ фигуры и лица бурлаковъ на баркѣ, идущей прямо къ моему мѣсту. Я это зналъ. Лежащіе на палубѣ чаще всего занимаются туалетомъ: вынимаютъ, кто откуда, металлическія гребеночки и расчесываютъ свои запекшіеся скомканные волосы; нѣкоторые даже снимаютъ рубахи, вытряхиваютъ ихъ и вѣшаютъ провѣтривать.

— *„Не шибко бѣжитъ, да бурлакъ-то лежитъ“*, — повторяютъ съ удовольствіемъ нѣкоторыя любимыя изреченія на плотахъ и во всѣхъ случаяхъ спуска *по теченію* или на парусѣ.

Я спускаюсь навстрѣчу тихвинкѣ, на которой приближается команда изъ одиннадцати бурлаковъ, съ подросткомъ-мальчикомъ, уполномоченнымъ отъ хозяина, какъ узналъ послѣ, доставить изъ Царевщины известь въ Симбирскъ. Долженъ сознаться откровенно, что меня нисколько не занималъ вопросъ быта и соціальнаго строя договоровъ бурлаковъ съ хозяевами; я разспрашивалъ ихъ только, чтобы придать нѣкоторый серьезъ своему дѣлу. Сказать правду, я даже разсѣянно слушалъ какой-нибудь разсказъ или подробность изъ ихъ отношеній къ хозяевамъ и этимъ мальчикамъ-кровопійцамъ: „вы не смотрите, что онъ еще молокососъ; а вѣдь такое стерво: какъ за хлѣбъ, такъ за брань; нечего говорить, веселая наша семейка“,—жаловался почтенный старикъ въ арестантской фуражкѣ.

„Какъ за хлѣбъ, такъ за брань“
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Но меня это нисколь-

ко не занимаетъ; нѣтъ, вотъ этотъ, съ которымъ я поровнялся и иду въ ногу,—вотъ исторія, вотъ романъ! Да что всѣ романы и всѣ исторіи передъ этой фигурой!.. Боже, какъ дивно у него повязана тряпицей голова, какъ закурчавились волосы къ шеѣ, и главное: цвѣтъ его лица!..

Что-то въ немъ восточное, древнее. Рубаха вѣдь тоже набойкой была когда-то: по суровому холсту пройдена печать доски синей окраски индиго; но развѣ это возможно разобрать? Вся эта ткань превратилась въ одноцвѣтную кожу сѣро-буроватаго цвѣта... Да что эту рвань разглядывать. А вотъ глаза, глаза! Какая глубина взгляда, приподнятаго къ бровямъ, тоже стремящимся на лобъ. А лобъ—большой, умный, интеллигентный лобъ; это не простакъ... Рубаха безъ пояса, и порты отрепались у босыхъ черныхъ ногъ.

— Баринъ, а баринъ! А нѣтъ ли у те-е папироски?

— Есть, есть,— радуюсь я общенію и знакомству.—Всѣмъ, кто куритъ, дамъ по папироскѣ (я тогда еще курилъ).—Я одѣляю всѣхъ на ходу, стараясь не испортить хода.

Канинъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

— А можно вотъ съ этого портретъ списать?—спрашиваю я.

— Патретъ! Слышь, Канинъ, баитъ: патретъ съ тебя писать?!— Ха-ха-ха...

— Чего съ меня писать; я, братъ, въ волостномъ правленіи прописанъ,— говоритъ обиженно Канинъ,—я не безпаспортный какой...

— Да вѣдь я не даромъ,— стараюсь я поднять свое униженное положеніе,—я заплачу.

— Слышь ты, баитъ: заплачу!.. А много ли ты заплатишь?— гогочутъ отпѣтыя рожи, скалятъ зубы и уже готовятся къ остротамъ въ своихъ лямкахъ.

— Да вотъ, постоитъ часа полтора, или два и получитъ 20 к.

— Стало-быть, на полкварты? Вишь ты!

— Относи впередъ! Впередъ, живѣе!—командуетъ съ барки мальчикъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ тихвинку на буксирѣ, на лодкѣ, двое дюжихъ гребцовъ на душегубкѣ (лодчонкѣ, привязанной у кормы

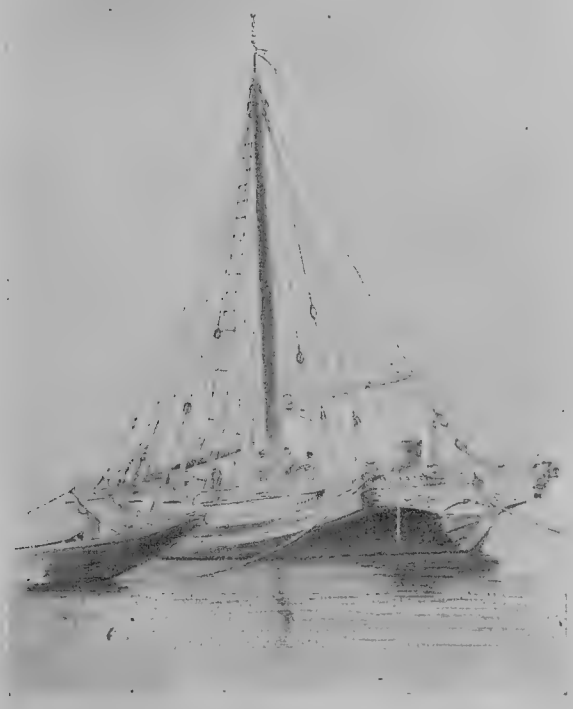
каждой барки), уже отвели вглубь отъ берега, бечеву растянули на громадное пространство и только въ концѣ быстро приспособленными узлами закладывали свою упряжь, потемнѣлую отъ пота, кожаную петлю, хомутъ. Надо было сильно прибавить ходу... Но я иду рядомъ съ Канинымъ, не спуская съ него глазъ. И все больше и больше нравится онъ мнѣ: я до страсти влюбляюсь во всякую черту его характера и во всякій оттѣнокъ его кожи и посконной рубахи. Какая теплота въ этомъ колоритѣ!

— Такъ что же, можно будетъ нарисовать или написать съ тебя портретъ?—возобновляю я со страхомъ и боязнью, что что-нибудь помѣшаетъ моему счастью, моей находкѣ. Типичнѣе этого настоящаго бурлака, мнѣ кажется, ничего уже не можетъ быть для моего сюжета.

— Да вѣдь мы сейчасъ въ Ширяевѣ опять на барку сядемъ и перевалимъ къ кургану, въ Царевщину; намъ сидѣть некогда,— отвѣчаетъ нехотя Канинъ.

— А оттуда назадъ? Вѣдь будете же опять съ известью итти.

— Такъ что? только во время обѣда развѣ...



Тихвинка. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Въ Ширяевѣ, прежде чѣмъ переправиться въ Царевщину, они стали обѣдать. Прежде всего черный котелокъ съ дужкой повѣсили на треножникъ, собрали хворосту, развели костеръ. Чего-то засыпали въ котелокъ; сварилось скоро. Всѣ сняли шапки; мальчикъ принесъ по сходнѣ на берегъ ложки, соль, хлѣбъ, ножъ; всѣ помолились на востокъ и сѣли, поджимая, кто какъ, ноги, кругомъ котелка и очень тихо и почтенно долго ѣли, не

торопясь. Окончивъ, они такъ же серьезно молились и только тогда вступали въ разговоръ.

— А вѣдь я знаю,—сказалъ одинъ шутникъ Канину, — вѣдь это онъ съ тебя „кликатуру“ спишетъ, проситъ-то не даромъ.

— А намъ покажешь?—загрохотали всѣ. — Я видѣлъ вѣдь: весь обѣдъ онъ все на Канина глядѣлъ, да что-то въ грамотку записывалъ, — пояснялъ наблюдательный бурлакъ. — Ха-ха, быть тебѣ въ кликатурѣ,—допекали Канина.

Канинъ какъ-то удрученно до благочестія молчалъ и даже не обижался; ни съ кѣмъ не связывался, не возражалъ; только брови его таинственно къ тряпицѣ на волосахъ тяготѣли, да выцвѣтшіе сѣрые глаза дѣтски отражали небо... Мнѣ казался онъ величайшею загадкой, и я такъ полюбилъ его. Скоро сѣли они на барку, поставили парусокъ и завалились на боковую — на ту сторону. Барку сдвинули двое кольями и сами взобрались на нее.

Цѣлую недѣлю я бредилъ Канинымъ и часто выбѣгалъ на берегъ Волги. Много проходило угрюмыхъ группъ бурлаковъ; изъ нихъ особенно одинъ въ плисовыхъ шароварахъ поразилъ меня: съ большой черной бородою, онъ былъ очень похожъ на художника Саврасова; навѣрно, изъ купцовъ... Но Канина, Канина не видно... Ахъ, если бы мнѣ встрѣтить Канина! Я часто наизусть старался воспроизвести его лицо; но отъ этого Канинъ только подымался въ моемъ воображеніи до недосягаемаго идеала.

— Да чего же ты киснешь,—говоритъ мнѣ Васильевъ (влюбленные всѣмъ видны, и ихъ хотя и презираютъ, но всѣ не прочь помочь при случаѣ).—Вотъ чудачина: киснетъ со своимъ Канинымъ. Скажи, вѣдь у насъ лодка есть? Есть. А Царевщина развѣ далеко?

— Да что жъ, за часъ можно добраться,—просыпаюсь я къ дѣйствительности.

— Благодарю, не ожидалъ! Ребята, собирайтесь, завтра послѣ чая мы ѣдемъ въ Царевщину! А?

— Благодарю, не ожидалъ!

— То-то же.

Наша лодка была съ *косовымъ* парусомъ. И мы поплыли. Какое блаженство плыть на парусѣ! Поставили правильно направленіе по діагонали черезъ Волгу. Братъ мой на рулѣ, мы невольно запѣли: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, и намъ стало такъ весело. Хотѣлось дурить, хохотать; у всѣхъ были счастливыя лица до глупости, до одури.

Прежде всего мы взобрались на самый Царевъ курганъ; на него шла дорога яровыми хлѣбами: плоская вершина круто обры-

валась отвѣсными глыбами извести, расположенными въ родѣ египетскихъ колоннъ... И налѣво и направо уходила Волга между горами. Внизу я увидѣлъ копошащихся людишекъ у каменоломенъ; они накладывали пласты извести на носилки и сносили ихъ на барку. А вѣдь это мои: я по баркѣ узнаю. Боже, да вонъ и Канинъ — это онъ. Надо спуститься къ нимъ ближайшею тропою. Стараясь угадать почти напрямикъ, я спрыгивалъ довольно крутые обрывы и наконецъ добрался.

Канинъ? Вотъ онъ; но это не онъ! Что̀ за чудо? Онъ совсѣмъ неинтересенъ: обыкновенный мужичонка... Да нѣтъ, это не онъ... Подхожу, здороваюсь со всѣми: да, это Канинъ... Но куда онъ сбросилъ всю свою интересную часть?.. Ничего особаго — этого и писать не сто̀итъ...

Я разочарованъ. Но узнаю, что они будутъ въ Ширяевѣ какъ разъ въ воскресный день, и я могу писать портретъ.

Макаровъ совершенно плѣненъ египетскою колоннадой (стиль Птоломеевъ цѣликомъ). Онъ рѣшаетъ завтра же пріѣхать сюда съ акварелью. Васильевъ съ братомъ рѣшаютъ углубиться по Воложкѣ, которая образовала у себя второе дно на полтора аршина отъ перваго; но страшно ходить по этому второму этажу: поминутно проваливается нога, а внизу рѣчка. Васильевъ рѣшаетъ писать ее, уже вышедшую на песокъ. До невѣроятности странна эта растительность, похожая на лопухи, сѣдого цвѣта и вся заклеенная шмарой, какъ траурнымъ флеромъ. Мы развертываемъ ящики и начинаемъ свои этюды. Увлеченіе наше забыло о времени.

... Канинъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

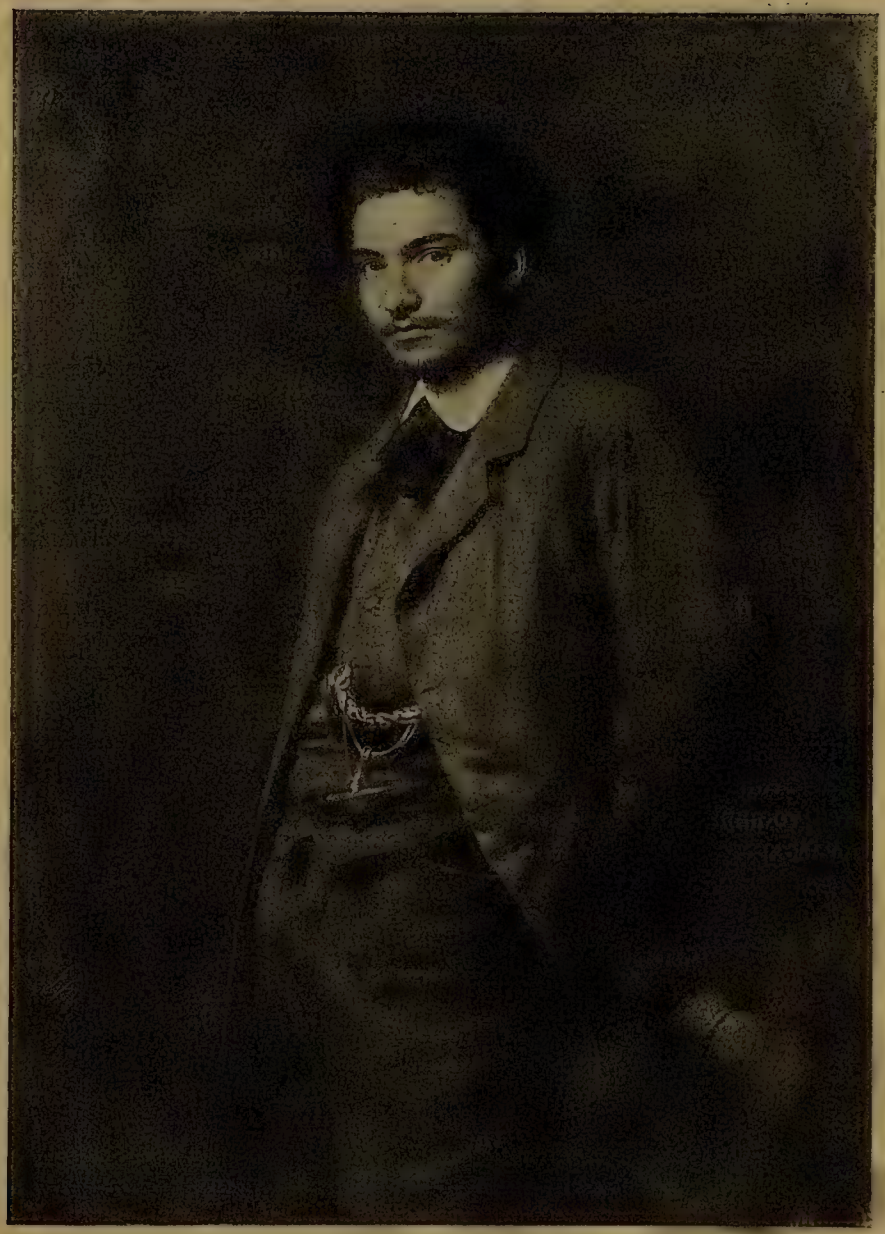
А вѣдь пора собираться домой! Солнце къ закату. Темнѣетъ быстро, а намъ теперь

противъ теченія. Съ парусомъ надо лавировать; да мы еще съ непривычки...

Сумерки быстро наступали; дорога берегомъ взбудоражена половодными наносами, и откуда этого набралось: спотыкаешься поминутно. А-а, вотъ наша лодка. Я вооружился всѣмъ терпѣніемъ, приковавшись къ веслу, стараюсь подладиться подъ энергичныя отхватыванья веселъ Васильева... О, какъ длинна эта дорога противъ теченія: эти четыре версты намъ за десять кажутся. Какъ быстро, даже на Волгѣ, лѣтомъ наступаетъ ночь! Еще 9-й часъ вечера, а уже кажется полная ночь, и темно, темно, а главное: какое быстрое теченіе! Такъ и сноситъ, такъ и сноситъ насъ. Хорошо, что на баркахъ фонарики на мачтахъ заведены, а пароходы сильнымъ свѣтомъ видны издалека; а то страшно, какъ разъ попадемъ подъ какую-нибудь бѣду...

На Волгѣ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Добрались мы до Ширяева только къ 12-му часу. Голодные, усталые. Мысль о макаронахъ на спиртовкѣ, о чаѣ съ филипповскими сушками—отрадная мысль; но вѣдь это еще надо развести самоваръ, собрать, сварить, заварить... А какъ вкусно все кажется голодному! Но все естество тяготѣетъ уже ко сну и покою, какъ только оно наглотается... Какъ бы опять кошмары не стали одолѣвать... Не могу я удержаться на умѣренности, непремѣнно нахватаюсь, вотъ и теперь... О, какъ хорошо прилечь, даже и на жесткой узкой скамейкѣ. Макаровъ въ особой комнаткѣ долго еще совершаетъ свои умыванія. Вотъ педантъ: ни за какія ковриги не сталъ бы я теперь еще умываться. Братъ мой спитъ на дворѣ, гдѣ-то на крышѣ сарая, у застрѣхи пристроился; очень доволенъ: вѣтерокъ отгоняетъ комаровъ, дождикъ, если бы пошелъ, его не захватитъ. А ужъ воздухъ!.. Онъ совершенно счастливъ своимъ логовомъ.



Портретъ художника Ѳ. А. Васильева, работы И. Н. Крамского.

Васильевъ не ложится. Онъ взялъ альбомъ побольше и зарисовываетъ свои впечатлѣнія Царевщины. Прелестно у него выходили на этюдѣ съ натуры эти лопушки на пескѣ, въ руслѣ Воложки. Какъ онъ чувствуетъ пластику всякаго листка, стебля! Такъ они у него разворачиваются, поворачиваются въ разныя стороны и прямо ракурсомъ на зрителя. Какая богатѣйшая память у Васильева на всѣ эти, даже мельчайшія, детали! И какъ онъ все это острымъ карандашомъ чеканитъ, чеканитъ, какъ граверъ по мѣдной доскѣ!.. А потомъ вѣдь всегда онъ обобщаетъ картину до грандіознаго впечатлѣнія: Воложка видна уже въ темномъ таежникѣ заброшеннаго лѣса, большей частью, ольхи. Вся она переплелась и снизу и сверху, какъ змѣями, гибкими кривыми вѣтвями, съ молодыми побѣгами уже со второго этажа помоста... И какъ онъ это все запоминаетъ? Да, запомнить-то еще не штука, вотъ и я помню,—43 года прошло,—но выразить, вырисовать все это на память!! Да еще примите во вниманіе, сколько мы съ нимъ отмахали веслами сейчасъ! У меня прямо глаза слипаются, я засыпаю... Просыпаюсь отъ тяжести полнаго желудка; а лампа все горитъ, и самъ Васильевъ горитъ, горитъ всѣмъ существомъ ярче нашей скромной лампы... Вотъ энергія! Да, вотъ настоящій талантъ!!! Вотъ онъ „гуляка праздный“, по выраженію Сальери; вотъ онъ. Да, это тотъ самый франтъ, такъ серьезно думающій о модной прическѣ, о щегольскомъ цилиндрѣ, лайковыхъ перчаткахъ, не забывающій смахнуть пыль съ изящныхъ ботинокъ съ крючками на порогѣ къ мировому... Зато теперь онъ въ полномъ самозабвеніи: лицо его сіяетъ творческой улыбкой, голова склоняется то вправо, то влѣво; рисунокъ онъ часто отводитъ подальше отъ глазъ, чтобы видѣть общее. Меня даже въ жаръ начинаетъ бросать отъ этого дарового спектакля дивнаго молодого художника, такъ беззавѣтно увлекающагося своимъ творчествомъ, такъ любящаго искусство!! Вотъ откуда весь этотъ невѣроятный опытъ юноши-мастера; вотъ гдѣ великая мудрость, зрѣлость искусства... Долго, долго глядѣлъ я на него въ обаяніи. Дремалъ, засыпалъ, просыпался; а онъ все съ неуменьшающеюся страстью скрипѣлъ карандашомъ въ своей энергичной рукѣ... Ну, завтра онъ долго будетъ спать; онъ всегда позже всѣхъ насъ просыпается, онъ правъ. „Спокойной ночи, дорогой товарищъ,—думаю я уже во снѣ.—Могъ ли бы я теперь встать, взять альбомъ и сочинять, т.-е. воспроизводить впечатлѣнія самаго интереснаго изъ всего путешествія въ Царевщину? Ни за что, ни за какія сокровища...“ Все больше и больше острыми розовыми иглами лучится наша лампочка передъ Васильевымъ; онъ едва слышно насвистываетъ мо-

„Мазарки". Кладбище на Волгѣ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

тивы изъ сонаты-патетикъ Бетховена. Онъ обожаетъ эту вещь; началъ однимъ пальцемъ разучивать ее и наконецъ зналъ въ совершенствѣ всю наизусть... Меня одолѣваетъ уже волненіе, я начинаю думать: вотъ тѣ перлы поэзіи жизни, которые мы, какъ и я сейчасъ, такъ мало цѣнимъ, такъ не стремимся ихъ ловить, понять и жить ими... Такъ всегда, и теперь, на старости, такъ же. Ахъ, какъ тронулъ меня недавно поэтъ Верхарнъ: пріѣхалъ изъ Парижа въ Питеръ, сейчасъ же въ Эрмитажъ. И къ нему Верхарнъ уже подготовленъ: онъ знаетъ, что у насъ лучшіе въ мірѣ Рембрандты... По дорогѣ къ Рембрандту онъ встрѣчаетъ Тьеполо и другіе очаровательные, удивительные сюрпризы искусства; все цѣнитъ, всѣмъ дорожитъ Верхарнъ, какъ просвѣщенный человѣкъ. И вотъ онъ видитъ „Возвращеніе блуднаго сына". Слезы умиленія въ великомъ восторгѣ охватываютъ душу поэта.

Я потому обратился къ Верхарну изъ 44-лѣтней давности своего тогдашняго настроенія, что картина Рембрандта своимъ тономъ всегда напоминаетъ мнѣ тотъ безсмертный трепетъ поэзіи, который окутывалъ и Васильева въ его творческомъ экстазѣ тогда въ Ширяевѣ-Буеракѣ...

Какъ часто бываетъ въ жизни: если сегодня вечеромъ у васъ было нѣчто очень интересное, то завтра въ это время ждите скуку.

Такъ и вышло.

Къ намъ, какъ-то крадучись, оглядываясь, извиваясь къ полу, какъ собака, попросился хозяинъ нашей избы. Ну, конечно, мы обрадовались, усадили его, стали ждать отъ него чего-нибудь интереснаго, бытового.

Въ нашей аптекѣ у Васильева была водка (вытереть ноги, на случай, если бы кто промочилъ ихъ до простуды). Это очень расположило Ивана Алексѣева въ нашу компанію. И, несмотря на таинственность, онъ, оказалось, былъ весьма словоохотнымъ. Мы насторожились, слушаемъ, слушаемъ, ничего не понимаемъ. Все больше то неизвѣстныя намъ существительныя, то междометія. Ни одной связной мысли, ни одного яснаго представленія; а онъ все быстрѣе и свободнѣе велъ свой разсказъ о чемъ-то будто бы очень хорошо извѣстномъ намъ и насъ очень близко касающемся... Пробовали останавливать, переспрашивать; никакого толку, все тотъ же потокъ словъ безъ начала, безъ конца, безъ смысла.

— Да мы, братъ, ничего не понимаемъ изъ твоего разсказа,— говоритъ уныло уже потерявшій всякое терпѣніе Васильевъ.

— А я-то,—мечетъ опять Иванъ Алексѣевъ,—развѣ понимаю? Развѣ я что̀ знаю? Ты, баитъ, кого держишь?

— Да кто баитъ? — спрашиваемъ мы.

— А, стало-быть, жандаръ. Вотъ, хушь бы какъ ваше благородіе, стоитъ онъ, а я передъ нимъ. А онъ: ты, баитъ, кого держишь? А я, звѣсно, что̀ я знаю? я баю: мы люди темные, писарь сказывалъ, стало-быть, при нихъ, молъ, императорская печать. А онъ: а что̀ они дѣлаютъ, чѣмъ займаются, почему не доносишь по начальству? А я почемъ знаю? наше дѣло темное; сказывали, молъ, планиду списываютъ; бурлаковъ, вишь, въ Царевщинѣ переписали; стало, на горы мы за ними не лазили... Вѣдь они вонъ то въ Курумчу соберутся, то въ Козьи Рожки, то на своей косовушкѣ куда дернутъ; рази за ними угоняешься... Охъ, грѣхи наши... Баютъ люди: пригоняютъ.

— Такъ развѣ сюда пріѣзжалъ жандармъ? — спрашиваемъ мы опять.

— Да и по сейчасъ у шабра стоитъ...—Ты, баитъ, долженъ донести по начальству... А что̀ ему доносить? А чтобы никому ни гугу, ни Боже мой!.. А я жъ этому, баю, не причастенъ: планы стало списываютъ; людей тоже записываютъ, баютъ, пригоняютъ; да вѣдь наше дѣло темное... Въ бараній рогъ! Баитъ...

Едва-едва выжили мы его изъ избы; вотъ глупецъ; и какъ засидѣлся, смотрите: уже 12 часовъ. Ну, хоть бы слово путное. И Васильевъ сейчасъ же его великолѣпно воспроизвелъ: „ужейко,

у шабра, стало, около Девяти Колодъ. Ну, ужъ и вода, другъ! Вѣдь ни Боже мой не остановится, не поперхнется. Есть воды, пивали; ну, все же глотокъ, другой и тамъ и станетъ поперекъ въ горлѣ, а отъ Девяти Колодъ — ни въ жисть: сколько ни пей, а ни-ни, не остановится".

Но на утро мы, сидя за чаемъ, ясно увидѣли жандарма въ сѣрой шинели, съ палашомъ; не торопясь, прошелъ онъ мимо нашихъ оконъ... Вотъ она, императорская печать,—будемъ ждать.

X.

Становой.

Ждали мы не долго. Въ одно свѣтлое солнечное утро, далеко раньше нашего чая, по всему двору, по всѣмъ избамъ и курнямъ шла какая-то особая суета ожиданія. Клещевникъ, работавшій на дворѣ съ мальчикомъ-ученикомъ клещи для хомутовъ (кустарь), усиленно убиралъ стружки и подметалъ дворъ. Солдатка Марья, пріотворивъ къ намъ дверь, таинственно прошуршала зычнымъ шопотомъ: „становой нонѣ будетъ къ намъ". Хозяйка Маланья (изъ Вятки родомъ) вслѣдъ за Марьей объявила плаксиво: „становой, баютъ, ѣдетъ. Охъ, Господи Сусе, прости наши гр..." Мужиковъ уже дома не было. Я радъ былъ, что не было нашего глупца-хозяина: онъ бы тутъ еще корчился. Я возненавидѣлъ его послѣ одного воскресенья...

Обыкновенно „улица", деревенская улица, стала собираться противъ нашей избы; и это Васильевъ пріучилъ: мы закупили въ Самарѣ самыхъ дешевыхъ леденцовъ въ бумажкахъ и стали ихъ бросать мальчишкамъ „на драку". Но драки стали переходить въ такія кровопролитныя потасовки, что мы прекратили этотъ спортъ и только иногда одѣляли хороводы дѣвицъ уже изъ рукъ, скромно. И вотъ въ то время, какъ на срединѣ улицы молодыя дѣвки, бабы и парни водили хороводъ, пожилыя бабы стояли у плетней, у завалинокъ, у воротъ и смотрѣли на эти давнымъ-давно потерявшіе смыслъ и значеніе народные мистеріи-хороводы.

Маланья также стояла у вереи своихъ воротъ съ другими бабами. Вдругъ я вижу: Иванъ Алексѣевъ, нашъ хозяинъ, отдѣлился отъ группы мужиковъ и какъ-то бокомъ-бокомъ закосолапилъ, лѣпясь по-надъ заборомъ, прямо къ Маланьѣ. Та не успѣла опомниться, какъ онъ саданулъ ее въ грудь, смазалъ всѣ головные уборы: платки и очипки, почти опростоволосилъ свою бабу-жену...

Та, съ визгомъ, согнувшись въ три погибели и отъ боли и отъ сраму, затравленной кошкой бросилась въ избу...

Я недоумѣвалъ. Что̀ это? За что?! Оглядываюсь на весь честной народъ съ жалобой въ нѣмомъ взорѣ... И никакого отвѣта. Всѣ дѣлаютъ видъ... да нѣтъ, всѣ ничего не дѣлаютъ, а просто не хотятъ знать того, что̀ сейчасъ произошло...

Какой-то резонеръ-мужичонка, единственный, понявшій мое состояніе, промямлилъ: „стало, мужъ жену учитъ; ту, братъ, не суйся, кто ихъ тамъ разберетъ...“

— Вѣдь это становой *къ намъ*,—говорю я Васильеву и Макарову. — Что̀ же, не прибраться ли намъ?

— Вотъ еще! Знаешь ли,—смѣется Васильевъ,—есть два слова, которыми можно отдѣлаться отъ всѣхъ явленій жизни. Напримѣръ, тебѣ говорятъ: становой ѣдетъ. Отвѣтъ:—*„Ну, такъ что̀ жъ!“* — Да вѣдь надо же пріодѣться? — *„Вотъ еще!“* Запишите, братцы, эти два слова, что̀ бы васъ ни спрашивали: отвѣтъ первое—*„ну, такъ что̀ жъ!“*, второе—*„вотъ еще“!*

Скоро мы увидѣли: прямо передъ нашими окнами держалъ направленіе на нашъ берегъ большой паромъ. Въ центрѣ стояла карафашка, запряженная парой съ наборомъ и съ бубенцами. Впереди, облокотясь на перила, стояла представительная, высокая фигура, ну, конечно, станового: сѣрое пальто, пуговицы блестятъ, фуражка съ краснымъ околышемъ... Гребцы распашными веслами усиленно двигали помостъ съ перилами, укрѣпленный на двухъ завозняхъ. На нашемъ берегу стояла давно уже большая кучка мужиковъ, готовая къ услугамъ... Стали причаливать: мы во всѣ три окна на Волгу не спускали глазъ съ интересной картины. Слышно уже, какъ звенятъ бубенчики... Вдругъ становой однимъ взмахомъ заушаетъ огромнаго дюжаго парня, и тотъ, чуть не въ воду, мигомъ повергнутый на землю, подымается въ крови... Ого, ай-да становой! Молодчина, польскаго типа блондинъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ. Вотъ она, власть!.. У меня похолодѣли руки, и сердце сильно билось... Предводительствуя толпой, становой направляется прямо къ намъ.

Переступивъ нашъ порогъ, онъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Со всѣми нами пріятельски поздоровался, будто съ давно знакомыми. Лицо довольное, веселое...

— Прекрасно, прекрасно, люблю эту студенческую обстановку; вѣдь я самъ еще студентъ почти; только-что съ курсовъ... А-а? Конечно, конечно, отъ чая я не откажусь...—Сейчасъ же усѣлся просто, ровно свободно. Заговорилъ по-товарищески о многомъ.

И довольно долго болталъ и насъ разспрашивалъ.—А-а, однако, съ вами я совсѣмъ заболтался,—спохватился онъ,—а вѣдь мнѣ въ Сызрань путь лежитъ; что̀ дѣлать, служба... (Пауза). И я долженъ попросить ваши паспорта. Вы понимаете, это форма, но вѣдь мы служимъ.

Мы съ Макарычемъ сейчасъ же отдали наши академическія печати, присовокупивъ и свидѣтельство брата изъ консерваторіи... Ждемъ Васильева. Васильевъ вдругъ — какъ пойманный, и куда дѣвался его апломбъ — сталъ заговаривать о другомъ, суетится, моргаетъ, краснѣетъ... Становой скоро измѣнился въ лицѣ, попристальнѣе вглядывается въ Васильева и нѣчто соображаетъ. То онъ собирался уже покинуть насъ, только паспорта задержали, просилъ поторопиться: онъ только пропишетъ ихъ въ Сызрани и сейчасъ же вернетъ намъ... А теперь онъ въ раздумьѣ сѣлъ посреди комнаты и какъ-то таинственно повелъ рѣчь о томъ, какъ онъ любитъ студентовъ, какъ и самъ бывалъ въ безвыходныхъ положеніяхъ по поводу такой малой бумажонки, какъ паспортъ, но онъ просилъ бы и насъ не затягивать дѣло и объяснить просто всю правду...

Мы съ недоумѣніемъ глядѣли на Васильева: не узнаемъ его... Но онъ вдругъ оживился. „О, Боже, вижу, и васъ я ввелъ въ сомнѣніе, и даже товарищи удивлены... Мой паспортъ оставленъ у матери для ввода дома во владѣніе... И позвольте мнѣ сдѣлать вамъ письменное заявленіе впредь до удостовѣренія моей личности. А съ этимъ прошу васъ телеграфировать въ Петербургъ, въ Общество Поощренія Художествъ на имя предсѣдателя Общества гр. Строганова, или его секретаря, секретаря Общества Дмитрія Васильевича Григоровича, извѣстнаго писателя“. Несмотря на всю развязность и бойкость, вернувшіяся къ Васильеву, несмотря на большіе тузы именъ, названные имъ, я замѣчаю легко, что становой уже не вѣритъ ни одному слову Васильева и думаетъ свое. Онъ впился въ него глазами. О, да, это польскіе глаза, красивые, сѣрые навыкатѣ, и усы польскіе, такъ щегольски и не казенно по-нѣмецки, нѣтъ, ловко, фантастично, по-польски закрученные усы. Васильевъ все варьировалъ причины задержки своего паспорта, пересыпая ихъ свѣтскими фразами, но это уже не имѣло успѣха. Становой обдумывалъ и ждалъ...

— Такъ какъ же? Чѣмъ мы съ вами покончимъ?—наконецъ онъ уже съ нѣкоторой строгостью ставитъ въ упоръ Васильеву.

— Да я напишу заявленіе письменно; вотъ товарищи удостовѣрятъ; они знаютъ и мой домъ, нашъ домъ.

Становой обвелъ насъ взглядомъ прокурора или слѣдователя

— Какъ, господа? Вы ручаетесь?

— О, разумѣется, разумѣется, — спѣшили мы; уже начинала угнетать и насъ вся эта исторія.

— Ну, пишите заявленіе,—сдался вдругъ становой.

Васильевъ писалъ вполнѣ грамотно, четко, красивымъ, культурнымъ почеркомъ. Онъ присѣлъ къ столу Макарова и быстро затрещалъ перомъ.

Ждемъ... Выноситъ.

— Ахъ, такая досада; ужъ простите за редакцію: такъ глупо все выходитъ: оставленнымъ для ввода дома тетки во владѣніе... и къ чему тутъ тетка? Домъ нашъ теперь...—И онъ хотѣлъ опять переписать. Но, видно, и становому уже надоѣла эта исторія: онъ начиналъ вѣрить, что мы народъ не опасный.

— Ничего, ничего, давайте; все равно, вѣдь мы справки наведемъ...—И мы опять дружески стали прощаться со „студентомъ-становымъ“ и проводили его до брички.

Залился колокольчикъ, зазвенѣли бубенцы, пристяжная завернула голову направо, взвилась обильная пыль по дорогѣ, и становой покатилъ въ долину къ Девяти Колодамъ...

И потому, какъ становой и здоровался и прощался съ нами, и потому, что такъ долго сидѣлъ у насъ, какъ у своихъ, обыватели замѣтно сразу повысили о насъ свое мнѣніе, и слава о насъ стала расти во всей округѣ. Жандармъ къ намъ такъ и не показался.

Непріятное впечатлѣніе отъ страннаго поведенія Васильева съ паспортомъ также забывалось. Мы съ Макаровымъ никакъ не могли понять, что̀ сей сонъ значилъ.

Къ Васильеву, мы чувствовали, нельзя было обращаться за разъясненіями: онъ сейчасъ же краснѣлъ и старался отвести разговоръ на другое. И только по пріѣздѣ въ Петербургъ, когда между другими разсказами я въ разговорѣ съ Крамскимъ коснулся этого непонятнаго поведенія Васильева съ его паспортомъ, Крамской съ грустью закачалъ таинственно головою: „Такъ, такъ... Знаете, что̀ это? Не знаете, значитъ, до васъ не дошла сія великая тайна. Видите ли, Васильевъ незаконный сынъ, прижитый его матерью до̀ замужества, а потому записанный лужскимъ *мѣщанином*ъ; онъ носитъ официально званіе *мѣщанина* и страшно, невыносимо страдаетъ отъ этого злого рока. Теперь вы уже, надѣюсь, хорошо ознакомились съ его идеалами и стремленіями. И онъ вездѣ какъ принятъ!.. Вотъ у графа Строганова, напримѣръ. Весь домъ графа убѣжденъ, что онъ какой-то близкій родственникъ графу, чуть не его сынъ-любимецъ... Ну, и есть милые пріятели-друзья; потѣхи ради они всегда ищутъ случая „подложить другу свинью“. И пред-

ставьте, эти саврасы пишутъ ему письмо отчетливой каллиграфіей на конвертѣ: „лужскому мѣщанину и т. д.“.

Конечно, это вздоръ, не стоящій выѣденнаго яйца, если бы Васильевъ самъ имѣлъ мужество разсказать свое происхожденіе. Къ этому скоро бы привыкли: все равно не за родъ принимаютъ его лучшія аристократическія фамиліи... Но вы не можете себѣ представить его мученій отъ такого положенія. Вѣдь онъ много разъ готовъ руки на себя наложить... И послѣ самыхъ незначительныхъ уколовъ этого острія онъ хандритъ по цѣлымъ недѣлямъ и не выходитъ изъ дому; даже дома никого изъ своихъ не можетъ видѣть тогда.

XI.

Бурлаки.

Мои пріятели-бурлаки все еще грузили барку. Въ Царевщину мы ѣздили часто. По дорогѣ къ Цареву Кургану было два *садка*. Это небольшія озера, куда рыбаки пускали стерлядей и осетровъ большого размѣра, и эти рыбы ждали пріѣзда рыбопромышленниковъ, забиравшихъ ихъ на свои барки по назначенію. Постъ сторожа двухъ садковъ исполнялъ маленькій мужичонка очень кроткаго нрава; говорилъ нараспѣвъ, тонкимъ голоскомъ, съ поднятіемъ бровей высоко на лобъ. Онъ очень похожъ былъ на святого.

Захотѣлось мнѣ его зарисовать въ альбомъ. Къ намъ уже стали привыкать. И часто гулящіе бурлаки сами заходили къ намъ и адресовались такъ: „баютъ, ваше благородіе, бурлаковъ списываете на картинки и платите 20 коп.? Такъ вотъ мы готовы“.

Деревня нашей живописью заинтересовалась. Особенно имѣлъ успѣхъ этюдъ Макарова съ отставного солдата Зотова, съ трубочкой въ зубахъ. Даже по воскресеньямъ, почти вся улица перебывала въ нашихъ покойчикахъ: „пустите, ваше благородіе, посмотрѣть: баютъ, гоже бурлака списали съ трубочкой въ зубахъ?“ Этотъ этюдъ былъ написанъ Макаровымъ, и авторъ, осклабивъ хохлацкія жирныя губы, добродушно черезъ очки наблюдалъ свой живой успѣхъ у народа прищуренными добрыми глазками.

Однѣ бабы только попрежнему дичились насъ и ни за что не шли списываться.

Кстати сказать, въ нашей средѣ четырехъ молодыхъ людей-товарищей во все это лѣто никогда не проявлялся ни въ какомъ видѣ женскій вопросъ. Какъ будто не существовало женщинъ на

свѣтѣ, и мы были безполыя существа. Была такая стихія, было такое поколѣніе; было такое настроеніе у насъ въ то время.

И въ Царевщинѣ насъ, конечно, уже хорошо запримѣтилъ тихій стражъ садковъ, и я обратился къ нему: „дядя, хотѣлось бы мнѣ списать съ тебя вотъ въ эту книжку. Не посидишь ли мнѣ часокъ сейчасъ? Кажется, ты свободенъ".

— Что-о, родимый, насъ писать! Мы этому недостойны,— отвѣчаетъ онъ, уклоняясь.

— Да вѣдь я заплачу,—говорю я,—не даромъ время проведешь.

— Знаю, что вы платите, только мнѣ, родимый, вашей мзды не надобно: мы этому недостойны,—прибавилъ онъ еще разъ, помолчавъ,—и, какъ-то съежившись, склонивъ голову набокъ, онъ поспѣшно удалился за садки.

„Вотъ чудакъ, — думаю, — вѣдь точно онъ обидѣлся даже"... Мы прошли къ Кургану, узнали, что наши знакомые бурлаки уже увели свою барку съ известью... Я сталъ тосковать, что упустилъ опять Канина.

Алешка попъ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Здѣсь работала другая небольшая ватага. Одинъ изъ нихъ, по повязкѣ головы тряпицей, чѣмъ-то напомнилъ мнѣ Канина, и я попросилъ его на полчаса, сталъ зарисовывать въ карманный альбомчикъ.

Замѣтили товарищи:—„смотрите, списывается нашъ Алешка попъ". Подошли.

Разговорились.

— А? Это вы про разстригу спрашиваете? Знаемъ, знаемъ.

— Развѣ онъ разстрига?— удивляюсь я.—Канинъ, Канинъ? Разстрига? Онъ былъ попомъ?

— Да, Канинъ, какъ же; онъ лѣтъ десять послѣ того при церкви пѣлъ, регентомъ былъ; а теперь ужъ лѣтъ десять бурлакуетъ... „Такъ вотъ оно!—раздумываю.—Значитъ, не спроста это сложное выраженіе лица". И Канинъ еще больше поднялся въ моихъ глазахъ. Ахъ, если бы его еще встрѣтить?!.

Возвращаясь въ нашей косовушкѣ домой, мы замѣтили, что стражъ садковъ, какъ только замѣтилъ насъ, еще издали скрылся.

Въ думахъ объ искусствѣ, мы сознали необходимость въ подрамкахъ и холстахъ, такъ какъ Васильеву и мнѣ захотѣлось написать что-нибудь въ родѣ картины. Кстати, наступили Петровскіе паводки: каждый день лилъ дождикъ; сдѣлалось грязно кругомъ; кромѣ того, послѣ Петрова дня разрѣшалась охота. — Васильевъ и братъ мой взялись за чистку ружей; приводили въ порядокъ патроны, пороховницы, и мы съ утра до вечера возились съ рубанками, стамесками и молотками. У Васильева шло лихо, быстро: онъ надѣлалъ себѣ много подрамковъ разныхъ размѣровъ, большей частью длинныхъ (въ два и три квадрата), я оказался бездарностью въ столярномъ дѣлѣ; долго возился, особенно раздвоенные углы меня заѣдали, скверно смастерилъ и послѣ второго подрамка окончательно спасовалъ.

Становой при отъѣздѣ обѣщалъ намъ, что на будущей недѣлѣ наши паспорта съ первой оказіей изъ Сызрани будутъ присланы намъ обратно, какъ только ихъ пропишутъ въ станѣ. Мы ждали не долго, но получили бумагу за подписью станового, что насъ вызываютъ въ Сызрань за полученіемъ нашихъ паспортовъ... Извольте болѣе ста верстъ проѣхать туда и обратно! Положимъ, новыя мѣста—можетъ-быть, небезынтересно; но вѣдь это же будетъ стоить денегъ; а наши финансы очень скудны: впереди еще три четверти лѣта; да еще и обратно надо проѣхать — хотя и безплатно пароходъ, но продовольствіе очень тамъ дорого.

И еще крупная непріятность все замѣтнѣе и замѣтнѣе заявляла о себѣ: начиная съ сапогъ, которые просто горѣли на насъ, отъ нашихъ большихъ прогулокъ по горамъ и по лѣсамъ;—одежа вдругъ тлѣла и превращалась въ самыя непозволительныя лохмотья: брюки стали дѣлиться какими-то лентами и внизу, безъ всякой церемоніи, отваливались живописными лапами... Однажды я съ ужасомъ ясно увидѣлъ себя въ такомъ рубищѣ нищаго, что недоумѣвалъ, какъ это скоро дошелъ я „до жизни такой“ и привыкъ и не замѣчалъ,—и живо оглядѣлъ другихъ. Только Кирилычъ соблюдалъ достоинство барина, только за него не было стыдно; а намъ надо было въ Самарѣ подыскивать какія-нибудь блузы, рубахи и проч., чтобы сохранить лучшее платье къ возвращенію въ Петербургъ.

Васильевъ чувствовалъ ясно, что онъ причиной нашего вызова въ Сызрань, и сталъ писать своему покровителю графу

Строганову письмо, чтобы о немъ поскорѣе прислано было удостовѣреніе его личности изъ Общества Поощренія Художествъ.

Ему захотѣлось прочитать намъ свое посланіе. Это было такое дивное поэтическое произведеніе, что мы совершенно онѣмѣли отъ очарованія. Въ нашихъ глазахъ онъ выросъ еще на двѣ головы. Но что произошло? Не успѣли мы опомниться отъ нашего восторга, какъ онъ вдругъ—трахъ, трахъ, трахъ—разорвалъ письмо на мельчайшія части и бросилъ въ соръ.

— Лучше бы ты мнѣ отдалъ,—кричу я въ отчаяніи, — я бы сохранилъ это на память!..

На другой день нѣсколько просохло, и мы вышли обходной дорогой прогуляться къ Волгѣ, въ которой мыли кисти. Нѣкій обыватель выѣхалъ на водопой со своей лошадиной семьей; на одной онъ сидѣлъ верхомъ, другую держалъ въ поводу, и за ними на свободѣ бѣжалъ, играя, жеребенокъ—двухъ лѣтъ, темно-сѣрый, энергичный, какъ въ первый день творенья. Увидѣвъ его, Васильевъ мигомъ бросился вдогонку, подскочилъ сзади, коснулся легко крупа и въ одинъ мигъ сидѣлъ уже верхомъ на идеальномъ созданіи. Во цвѣтѣ силъ—на спинѣ, на которой, можетъ-быть, еще не сидѣлъ ни одинъ смертный, Васильевъ чувствовалъ себя какъ дома на стулѣ. Мы спѣшили за Васильевымъ, съ разинутыми ртами отъ удивленія и страха за него; а онъ, поощренный впечатлѣніемъ невиданнаго нами зрѣлища, началъ вдругъ, совершенно, какъ цирковый наѣздникъ, принимать разныя позы, перекидывать ноги, и наконецъ, сидя лицомъ къ намъ по-дамски, сталъ съѣзжать на самый крупъ къ хвосту жеребенка и посылать намъ оттуда воздушные поцѣлуи. Вѣроятно, жеребенка защекотали наконецъ его движенія; онъ и самъ пришелъ въ ражъ и вдругъ такъ подбросилъ Васильева въ небу, сопровождая свое движеніе необыкновенно громкимъ и зычнымъ звукомъ, что, казалось, Васильевъ улетаетъ за облака. Онъ страшно походилъ въ это мгновеніе на Донъ-Кихота, подброшеннаго крыломъ мельницы...

Пока мы подбѣжали, Васильевъ уже бодро подскочилъ и отряхивалъ только руку, на нее онъ такъ упалъ, что она даже въ землю вошла, слава Богу, земля была мягкая, это спасло руку; но Васильевъ все же двѣ недѣли ходилъ съ рукою на перевязкѣ.

Стали они съ братомъ моимъ уходить на охоту, на всю ночь; ночевали подъ стогами, на болотахъ. Все бы это ничего, но Васильевъ сталъ сильно кашлять; этого равнодушно нельзя было слушать: кашель у него былъ мнѣ подозрителенъ; онъ-то и

свелъ его потомъ со свѣту, во цвѣтѣ юныхъ силъ и таланта.

Часто наши охотники привозили дичь; однажды они привезли молодого беркута, огромнаго; своими крыльями онъ занялъ полъизбы. Мы всѣ его зарисовывали съ разныхъ сторонъ.

XII.

Цѣпью къ Антихристу.

И послѣ Петрова дня все продолжались дожди, растворилась грязь по улицамъ, и мы, наконецъ, принялись за свои холсты—картины, хотя Васильевъ поминутно выскакивалъ то на огородъ, то подъ сарай, или на крыльцо, со своимъ этюдникомъ, откуда виднѣе, и иногда, даже подъ дождикомъ, стоялъ подъ складнымъ зонтикомъ, ловилъ мотивы облаковъ, если они были необыкновенны. А на большомъ холстѣ онъ писалъ видъ Нижняго-Новгорода. Къ нему, еще будучи въ Нижнемъ, онъ готовился; собиралъ зачертки и далей, и ближнихъ стѣнъ и башенъ. Невыразимо восхищался онъ красотой всего этого, но картина ему не давалась. Нечего и говорить, что ни одинъ изъ этюдовъ и набросковъ не помогалъ ему; они оставались сами по себѣ, онъ каждый день мѣнялъ всю картину и кончилъ тѣмъ, что вмѣсто *Нижняго-Новгорода* написалъ на этомъ же холстѣ мотивъ Курумчи, татарскаго села за Волгой, противъ насъ. Эта картина и сейчасъ въ Третьяковской галлереѣ.

Безъ смѣху мы не могли вспоминать только-что прошедшихъ праздниковъ Петра и Павла... Вся улица была грязна и пьяна. Ватага мужиковъ, или парней, взявшись за руки и растянувшись поперекъ всей широкой улицы, горланила во всю глотку,—кто въ лѣсъ, кто по дрова, — какія-то пѣсни, „писала мыслете“ по всей длинѣ улицы, вдоль надъ Волгой, и безстрашно шлепала лаптями по глубокимъ лужамъ.

Я замѣтилъ, что нѣкоторые, особенно молодые парни, даже не будучи пьяными, нарочито притворялись такими — до „положенія ризъ“. Это, оказывается, подымало ихъ значеніе въ общественномъ мнѣніи деревни; да, во всякомъ обществѣ свое общественное мнѣніе: значитъ, есть *на что* пить, значитъ, не дуракъ, можетъ заработать. Эту мораль мы узнали потомъ. Пьяныхъ до такой степени бабъ мы не встрѣчали. Мужики же съ какимъ-то особымъ ува-

Типы бурлаковъ. „Солдатъ".
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

женіемъ относились къ намъ, къ непьющимъ; напримѣръ, даже, будучи какъ стелька, еще издали шатающійся мужикъ, испачканный, какъ и всѣ они, въ грязи, завидѣвъ насъ, пріободрялся, окидывалъ себя пьянымъ взоромъ; держась за изгородь или за уголъ избы, становился въ почтительную позу, снималъ шапку, если она была на головѣ (большей частью гуляли безъ шапокъ), кланялся намъ низко съ рискомъ паденія и говорилъ какимъ-то раскаяннымъ голосомъ: „ваше благородіе, простите меня Христа ради"...

На самомъ большомъ своемъ холстѣ я сталъ писать *плоты*. По широкой Волгѣ прямо на зрителя шла цѣлая вереница плотовъ. Сѣренькій денекъ. На огромныхъ толстыхъ бревнахъ, на желѣзномъ противнѣ горѣлъ небольшой костеръ, подогрѣвая котелокъ. Недалеко отъ рулевыхъ, заправлявшихъ теченіемъ всей лыковой флотиліи, сидѣла группа бурлаковъ, кто какъ. Въ эту нескончаемую седмицу недѣль отъ Нижняго до Саратова чего-чего не переберутъ на своемъ пути волжскіе аргонавты...

Эта картинка, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ живой Волги, мнѣ удалась, она мнѣ нравилась. Но... она составляетъ и сейчасъ *больную язву* моего сердца; и она причислена къ уничтоженному мною въ негодный часъ какого-то нелѣпаго искушенія. И ее я записалъ сверху другимъ мотивомъ!.. Какъ будто не могъ взять другой холстъ?!!... Такъ широко была она гармонизирована и имѣла такую глубину!.. Погублена она уже въ Петербургѣ...

И надо ужъ быть правдивымъ. Къ уничтоженію этой картинки меня подбилъ И. И. Шишкинъ. Время тогда было тенденціозное: во всемъ требовали *идею;* безъ идеи картина ничего не

стоила въ глазахъ критиковъ и даже художниковъ, не желавшихъ прослыть невѣжественными мастеровыми. Картина безъ содержанія изобличала предосудительную глупость и никчемность художника.

Я показалъ Шишкину и эту картину...

— Ну, что вы хотѣли этимъ сказать! А главное: вѣдь вы это писали не по этюдамъ съ натуры?! Сейчасъ видно.

— Нѣтъ, я такъ, какъ воображалъ...

— Вотъ то-то и есть. Воображалъ! Вѣдь вотъ эти бревна въ водѣ... Должно быть ясно: какія бревна—еловыя, сосновыя? А то что же, какія-то „стоячесосовыя!“ Ха-ха! Да, впечатлѣніе есть, но это несерьезно...

Времена мѣняются. И вотъ что теперь поставили бы въ заслугу,—картинка съ настроеніемъ и написана только по воображенію,—тогда считалось несерьезнымъ, глупымъ, и осуждалось, какъ развращающее направленіе *„беззаботныхъ насчетъ литературы“*.

Пасмурная недѣля непогоды принесла большую пользу нашей техникѣ. Всѣ мы почувствовали какую-то новизну и въ средствахъ искусства и во взглядѣ на природу; мы постигали уже и ширь необъятную и живой колоритъ вещей по существу. Трезвость, естественная красота жизни реальной впервые открывались намъ своей неисчерпаемой перспективой красивыхъ явленій.

У Васильева при паденіи съ жеребенка пострадала, къ несчастью, лѣвая рука, и онъ могъ работать только правой, лѣвая была еще на перевязи. Какъ-то въ сумеркахъ зашелъ къ намъ озабоченный писарь—этотъ бурлацкій бардадымъ—и подалъ намъ официальный пакетъ изъ Сызрани. Насъ опять вызывали въ станъ за нашими паспортами.—„Ну, такъ что жъ?“—попробовалъ паясничать Васильевъ. Но писарь таинственно прибавилъ, что становой сердится и грозитъ вызвать насъ *по этапу*...

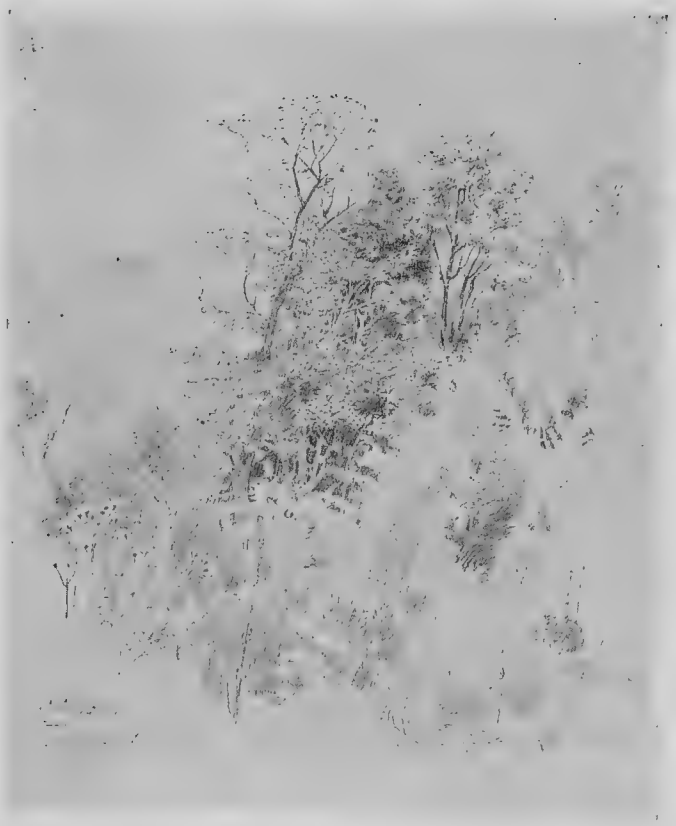
— По этапу? Вотъ такъ фунтъ...

Надо было писать намъ въ Петербургъ къ заступникамъ.

Васильевъ засѣлъ за письмо къ Дм. Вас. Григоровичу; а я написалъ пространное письмо П. Ѳ. Исѣеву. На этотъ разъ мы уже не просили Васильева читать его письмо, боялись повторенія съ первымъ. Поскорѣй, на другой же день, запечатавъ ихъ, отвезли въ Самару и отправили заказнымъ въ Петербургъ.

Нельзя сказать, чтобы мы были спокойны духомъ... Когда еще намъ отвѣтятъ?! Чѣмъ? А можетъ-быть, и безъ отвѣта прогуляемся по этапу въ Сызрань...

Просохло; мы стали опять дѣлать прогулки въ глубь по до-



Козьи Рожки. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

линѣ и по горамъ. Особенно любили мы по верхней дорожкѣ въ Козьи Рожки... (хорошо риѳмовалось).

Переѣхали разъ въ Царевщину: вотъ и садки рыбные, вотъ и преподобный мужичокъ мой, грустный, грустный сидитъ на своемъ камешкѣ, подпершись рукою, выражая этимъ эпически печаль народную.

Поздоровались. Я радуюсь, что онъ не избѣгаетъ насъ, не хочу уже начинать своей непріятной ему докуки—списыванья. Но онъ самъ далъ пройти впередъ товарищамъ и таинственно кивнулъ мнѣ.

— Слухай-ка-ся, родимый, что̀ я вамъ скажу?.. Тогда баили списать меня, такъ я, пожалуй, и надумаю.

— Да чего же тутъ думать, — обрадовался я, — альбомъ со мною: вернемся къ твоему Алатырь-камню, гдѣ ты сидѣлъ, и сейчасъ же начнемъ.

— А много ли же вы мнѣ дадите? — сказалъ онъ, отчаянно какъ-то понизивъ голосъ и опустивъ голову.

— Да какъ тогда говорилъ, какъ всѣмъ плачу: посидишь часокъ и получишь двугривенный...

— Э-э! Нѣтъ, родимый, такъ у насъ съ тобою дѣла не выйдетъ; нешто это гоже, такъ продешевишься!—Произошла большая пауза.—Я думалъ, вы мнѣ рублей двадцать дадите, такъ мнѣ бы ужъ на всю жизнь...—почти шопотомъ, какъ-то отчаянно, докончилъ онъ.

— Что ты, чудакъ какой,—удивляюсь я,—да за что же? Развѣ это возможно?

— *А душа*-то?!—взметнулъ онъ дерзко на меня

— Какая душа?—недоумѣваю я.

— Да вѣдь вы, баютъ, пригоняете...

— Куда пригоняете? Что такое плетешь ты, не понимаю.

— А къ Антихристу, баютъ, пригоняете...

— Ой, что это! Какая выдумка!—уже начинаю я горячиться.—Вотъ вздоръ!

— Ладно, братъ, мы все знаемъ, — переходитъ онъ уже въ ссору. — Послухай-ка, что народъ баитъ. Теперь, баитъ, *онъ* съ тебя спишетъ, а черезъ годъ придутъ съ цѣпью за твоей душенькой, и закуютъ, и погонятъ ее рабу Божію къ Антихристу... А-сь!..

— Неужели ты этому вѣришь? — серьезно-укоризненно стараюсь я разубѣдить его.—Да Богъ съ тобой и съ твоей душою...

И я поскорѣй ушелъ догонять своихъ.

Невольно думалось: каковъ бюджетъ у этихъ бобылей! 20 рублей, такъ это капиталъ ему на всю жизнь. И тотъ онъ зарылъ бы въ землю; да такъ и умеръ бы, никому не открывъ своего клада.

Однажды напугалъ насъ Макаровъ: онъ не вернулся изъ Царевщины къ ночи, какъ всегда, и мы всю ночь прислушивались, не постучится ли онъ... Стуку не было. Встали раньше обыкновеннаго, выпили наскоро чай и — за Волгу, въ Царевщину, узнать, живъ ли онъ. Гдѣ онъ? Страшно, жутко стало всѣмъ намъ; переѣхавъ на луговую сторону, мы боялись даже заглядывать въ кусты лозняка: а вдругъ онъ тамъ лежитъ убитый.

Трава за Волгой выше роста человѣческаго—и цвѣтовъ, цвѣтовъ,—самая пора косить. Были сильно примятые слѣды. Если въ этой травѣ гдѣ-нибудь кинули убитаго, развѣ увидишь это отсюда? Вонъ смята трава. Вотъ еще смята — кто-то скрывался. Страхъ беретъ... Что-то волокли. Идемъ на Курганъ поскорѣе, —

оттуда виднѣе. Взобрались на вершину, видимъ: живъ и здоровъ, сидитъ нашъ Кирилычъ въ цилиндрѣ, очки блестятъ и, подымая высоко голову на свои ненаглядныя „Капители Птолемеевъ“, совершенно забылъ весь міръ. Мы присѣли и начали бросать въ него камешками. Далеко, не добросишь. И вотъ онъ, художникъ по страсти, противный хохолъ: наши камешки все съ трескомъ разбиваются объ известнякъ, стукъ слышенъ даже намъ, а Кирилычъ — ноль вниманія, сидитъ, покачивая головою вправо-влѣво. Наконецъ подошелъ къ намъ свѣжій чугуевецъ, мой братъ Вася; онъ еще не забылъ бросать черезъ Донецъ... Камень его загудѣлъ, свистя въ воздухѣ, и ударился у самаго стакана съ водою для акварели, который всегда неотлучно находился при акварелистѣ; вѣдь какъ мѣтко бросалъ, артистъ. Только тогда нашъ коллега всталъ, и то не торопясь, и медленно старался понять, откуда камень, философски оглядывался кругомъ. Мы, разумѣется, въ это время, согнувшись, наблюдали его; и долго еще бомбардировали, хохоча до упаду отъ радости, что онъ живъ. Наконецъ расхохотались громко, поднялись, и между нами произошла перестрѣлка... Сбѣжали внизъ. Закидали его упреками. Стали потомъ бросать, кто дальше; разумѣется, чугуевецъ оказался внѣ кон-

Рыбацкія снасти. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

курса. Какъ онъ игралъ въ городки! Палка, брошенная имъ, бывало, гудитъ, какъ машина, какъ-то кружась въ воздухѣ, а достигнувъ земли, она со скребомъ взрывала почву... Городокъ взлеталъ на воздухъ *голубями*. Васильева ошарашило искусство юнца, онъ страстно, чуть не до вывиха правой руки, предался и этому спорту и дѣлалъ успѣхи.

Возвратились домой мы поздно. Хозяева дожидались насъ озабоченные и объявили намъ, что завтра опять становой самъ безпремѣнно будетъ, только не знали, въ какое время.

XIII.

Наша взяла.

Мы прождали его все утро, страшно злились и пошли наконецъ на этюды развлечься отъ тяжелаго состоянія. Наказали только мальчику, чтобы прибѣжалъ за нами, если завидятъ станового.

И мы все его ждали съ Волги и все время съ горы поглядывали на Волгу. И разсуждали мы съ досадой о нелѣпости географическаго положенія нашего Ширяева-Буерака.

Мы, т.-е. наше Ширяево, считались Сызранскаго уѣзда, Симбирской губ. А до Симбирска отъ насъ верстъ 300; а отъ Сызрани болѣе 100 верстъ. Самара же въ 15-ти верстахъ, да не нашъ губернскій городъ. Писарь говорилъ, что туда, т.-е. въ Сызрань и обратно, свезли бы насъ рублей за десять. Да вѣдь 10 р. для насъ деньги большія. Слава Богу, еще жизнь, большею частью на черномъ хлѣбѣ и молокѣ, не была для насъ разорительна. Стерляди мелкія въ четверть аршина, продавались низками по десятку и стоили по 2 к. штука... Видимъ, блѣдный, какъ полотно, нашъ мальчишка взбирается къ намъ на гору и кричитъ еще издали, задыхаясь: „ай-да-те домой, становой уже пріѣхалъ и ожидаетъ васъ!..“ Торопимся, волнуемся страшно, подходимъ. Видимъ, еще издали у нашихъ воротъ онъ съ ласковой улыбкой снялъ широко фуражку и довольно низко кланяется намъ. „Вѣдь это онъ иронически,—думаемъ мы.—Ну, чѣмъ это кончится?..“ Приблизились. Онъ опять очень радушно, дружески жметъ намъ руки и проситъ позволенія войти въ наше жилище.

Переступаемъ съ біеніемъ сердца.

— Вотъ ваши паспорта, господа, простите, я васъ, кажется, нѣсколько обезпокоилъ послѣднимъ „отношеніемъ“ изъ стана: (т.-е. офиціальной бумагой)... Но войдите же и въ мое положеніе, форма, служба. Очень, очень извиняюсь передъ вами, господа, и

прошу васъ, умоляю, если будетъ вамъ запросъ отъ губернатора изъ Симбирска, ужъ будьте милостивы, не мстите мнѣ: я не могъ предположить, что у васъ такія связи въ Петербургѣ, откровенно вамъ признаюсь...

— Объясните намъ, господинъ становой, въ чемъ дѣло: все это время мы такъ были перепуганы этапомъ, что и сейчасъ еще не можемъ успокоиться и даже думаемъ, не иронизируете ли вы надъ нами?—волнуется Васильевъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ: Симбирскому губернатору была телеграмма о васъ изъ Петербурга изъ большихъ сферъ, и онъ сейчасъ же, очень внушительно, по телеграфу предписалъ въ уѣздъ оставить васъ въ покоѣ... Пожалуйста, господа, въ случаѣ какого недоразумѣнія, прошу васъ обращаться прямо ко мнѣ; все, что̀ касается васъ, все будетъ ограждено, и вы будете пользоваться самой заботливой опекой администраціи стана...

Мы, съ пріятнымъ повышеніемъ въ его мнѣніи, переглядываемся, благодаримъ.

И какая опять перемѣна въ немъ! Даже ростомъ меньше!

Мужикамъ, остолбенѣвшимъ тутъ же отъ страха кругомъ насъ, онъ сказалъ нѣчто въ родѣ рѣчи: дескать, берегите мнѣ этихъ господъ. Начальство изъ Петербурга предписываетъ оказывать имъ содѣйствіе въ ихъ занятіяхъ.

— А засимъ,—обратился онъ очень почтительно къ намъ,—не смѣю больше безпокоить васъ и отрывать отъ вашихъ занятій.

Опять наотмашь снятая фуражка и низкій поклонъ; поскорѣй сѣлъ въ свою таратайку и укатилъ.

Уфъ, какъ хорошо! Чье же бы это вліяніе изъ Петербурга?!—гадаемъ мы.—Какъ послѣ выяснилось, оно было, главнымъ образомъ, отъ Исѣева. До Академіи Художествъ онъ служилъ вице-губернаторомъ въ Костромѣ, и у него, конечно, были вліятельныя связи въ Петербургѣ.

Васильевъ получилъ торжественное удостовѣреніе изъ Общества Поощренія Художествъ, за подписью президента Общества гр. Строганова и его секретаря Дм. Вас. Григоровича. Онъ поименованъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Поощренія Художествъ.

Шансы наши и у писаря и у всѣхъ десятскихъ Ширяева и Царевщины поднялись уже до миѳической высоты. Но съ этого момента пошла въ ходъ о насъ народная фантазія обывателей. Они замкнулись. На порабощенныхъ молчащихъ кругомъ лицахъ ясно было написано свое: „Разѣ это спроста, что и становой даже боится этихъ невѣдомыхъ записывателей. Это, братъ, не спроста...

Извѣстно: отъ Антихриста, его слуги, а въ будущемъ году, баютъ, всѣхъ, кого теперь запишутъ, всѣхъ закуютъ большою цѣпью и погонятъ прямо въ пекло. А деньги ихъ—черепки: только перекрести ихъ съ молитвою, такъ вмѣсто денегъ одни черепки останутся въ рукахъ"...

И намъ пришлось даже наблюдать это перекрещиванье нашихъ пятаковъ... Видно было однажды изъ окна, какъ трое бурлаковъ, получивъ отъ насъ плату за сеансы, стали крестить на ладоняхъ наши деньги, и долго толковали таинственно, пока не скрылись въ переулкѣ внизу къ Волгѣ.

Баба, взявшаяся готовить намъ пищу, оказалась невообразимой бездарностью: ѣсть ничего нельзя было, такая безвкусица.

— Да, ради Христа, ну свари, какъ варишь дома для себя, чего тутъ мудрить...—просимъ мы.

— Да вѣдь вы, баринъ, не станете ѣсть нашей ѣды, вѣдь у насъ ѣда простая,—отвѣчаетъ баба.

— Ну хорошо, этого-то намъ и надо: вотъ мы и будемъ ѣсть простую ѣду,—рѣшаемъ мы, думая, что наконецъ-то наладится нашъ столъ.

Вышло невозможное: въ ротъ ничего нельзя было взять. И вотъ какъ-то шутя, артистъ, чугуевскій дискоболъ, взялся, совершенно случайно, что-то состряпать къ нашему обѣду, и что же? Вышло прелесть какъ вкусно. И съ этихъ поръ мы безъ всякой совѣсти эксплуатировали нашего юнца. Онъ намъ готовилъ все лѣто, и мы восхищались его способностями кулинара.

При неаккуратной, случайной и скудной подчасъ пищѣ, мы были вполнѣ здоровы и каждый день ходили на Волгу купаться съ берега. Гигіена сознательно вошла въ нашу жизнь. Каждый убиралъ свой уголъ, и мыла мы не жалѣли. Насъ все же мужчины и, особенно, молодые парни и мальчишки не боялись и не дичились. Во время нашего раздѣванья и купанья, особенно, если былъ праздникъ, кругомъ насъ стояли и лежали любопытные цѣлой гурьбой. Они обсуждали вслухъ всякую вещицу нашего туалета и особенно дивились нашей тратѣ хорошаго пахучаго мыла на мытье тѣла. Здѣсь выразился ихъ взглядъ на тѣло вообще и на нѣкоторыя части въ особенности. И какъ это нелѣпо: мѣста тѣла, требующія особенной чистоты и, слѣдовательно, тщательной промывки, вызывали у нихъ самый непристойный смѣхъ и презрѣніе... Они отворачивались съ хохотомъ отъ насъ: „и яму честь! Ха, ха, ха..." Но я тогда читалъ имъ цѣлую лекцію о томъ, что мытье начисто всего тѣла необходимо, и что много накожныхъ болѣзней у людей—отъ нечистоты. Слушали и понимали все.

Василій Еф. Рѣпинъ въ лодкѣ на Волгѣ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

XIV.

Отверженныхъ не жалѣютъ.

Отношеніе къ намъ у нихъ установилось особое, какъ къ иностранцамъ; это бы еще не бѣда; но вотъ что̀ скверно: они вѣрили, что мы слуги Антихриста, и втайнѣ радовались бы нашему какому-нибудь несчастью. Такое предположеніе оправдалось...

Однажды Макаровъ поѣхалъ въ Самару за покупками, онъ это любилъ: при этой оказіи онъ привозилъ съ собою какіе-нибудь новые духи или мыла. Въ его комнатѣ стоялъ всегда ароматъ нѣжной барышни, и весь туалетный столикъ былъ у него заставленъ флаконами и склянками разныхъ величинъ, разныхъ водъ. Въ назначенный часъ около 8-ми часовъ вечера братъ мой съ Ларькой должны были подъѣхать къ пароходу, идущему изъ Самары, и принять въ свою лодку товарища съ пакетами.

Приходилось не разъ и намъ всѣмъ такъ выѣзжать, дѣло стало привычнымъ: мы изучили всѣ разстоянія и знали, гдѣ стоять на водѣ, держась на мѣстѣ, въ какое мѣсто мѣтить, приближаясь къ пароходу, знали хорошо, что опасно было попасть впередъ, подъ колеса (пароходы „Самолета“ были еще колесные), и нисколько не боялись подъѣзжать.

Въ 7 час. мы съ Васильевымъ понесли кисти къ Волгѣ и

вымывъ ихъ, надѣялись встрѣтить и Кирилыча съ пакетами и помочь нести ихъ домой. Слышимъ и свистокъ: „пароходъ бѣжитъ“. Видимъ дымъ и видимъ также, какъ братъ Вася на веслахъ, а Ларька на рулѣ, отчалили отъ берега и сильно понеслись къ пароходу... Мы подвигались потихоньку по берегу. Слышимъ вдругъ тревожный свистокъ: вызываютъ лодку еще. Прибавляемъ шагу. Видимъ—какъ это скоро дѣлается и въ городахъ и деревняхъ, если стрясется нѣчто въ родѣ нечаяннаго несчастья, уже бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ нѣчто случилось; ближе къ пароходу уже народъ сбѣжался; но вотъ нѣкоторые уже идутъ и къ намъ навстрѣчу, по берегу, съ веселыми лицами; махаютъ издали руками, указывая на пароходъ

— Ха-ха, а вѣдь ваши то утонули, угодили подъ пароходъ: лодка — въ щепы, а они ко дну... Баютъ, Ларьку вытащили, — добавляетъ мальчишка.—Да, Ларьку вытащили, а ваши товарищи потонули. Хе-хе! Ахъ, чудаки, прямехонько подъ колесо...

Можете вообразить нашу лихорадку, мы уже бѣгомъ къ мѣсту, откуда лодка наша отчалила (въ родѣ пристани, за порожкомъ, которыя часто мѣняются въ зависимости отъ обмелѣнія).

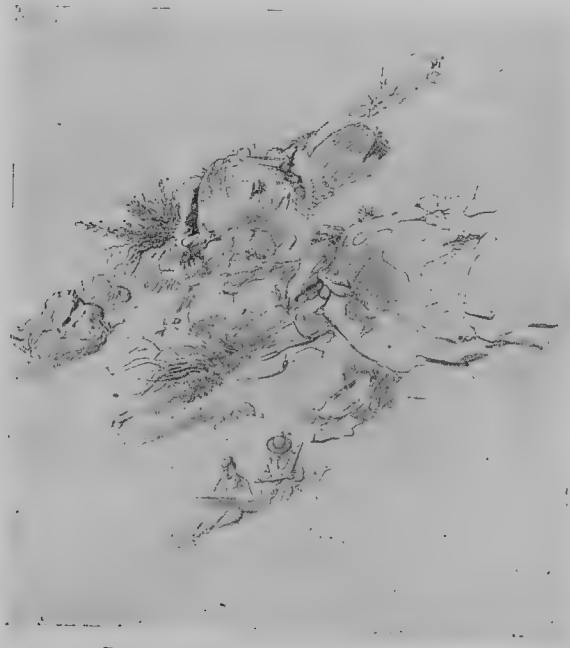
Сколько народу! И откуда вдругъ и такъ скоро! И все веселыя, добрыя, смѣющіяся лица; какъ будто поздравляютъ насъ съ обновками, повторяютъ со смѣшкомъ: „да, потонули, потонули...“ Но вдругъ мы видимъ, на лодкѣ цѣлы и невредимы— Макаровъ стоя, братъ мокрый и особенно Ларька еще мокрѣе— сидятъ уже въ чужой лодкѣ, ихъ правятъ къ берегу. Мы даже

Ларька. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

глазамъ не вѣримъ и стали вдругъ хохотать, какъ сумасшедшіе, отъ радости...

Оказалось: брату, сидѣвшему спиною къ пароходу, конечно, не было видно, куда правитъ рулевой. И такъ какъ они нѣсколько запоздали выѣхать и держаться на срединѣ на веслахъ, братъ боялся опоздать и потому пріударилъ въ весла; а Ларька зазѣвался, не скомандовалъ ему остановиться во-время и угодилъ выше колеса. Счастье, что пароходъ во-время остановилъ колеса, они не двигались. Братъ почувствовалъ вдругъ сильный ударъ въ спину—корма вдребезги, и дно лодки провалилось изъ-подъ его ногъ; онъ успѣлъ броситься на колесо и повиснуть на немъ; а Ларька, съ провалившимся днемъ и поплывшими стѣнками лодки въ разныя стороны, долженъ былъ тонуть, но онъ, конечно, умѣлъ плавать. Ему бросили спасательный поясъ; а брата съ палубы третьяго класса публика вытащила наверхъ за руки; оттого онъ мокръ былъ только до пояса.

Привезли послѣ къ берегу даже осколки нашей лодочки, но что̀ съ ними дѣлать?.. Долго они валялись на берегу, пока не растащили мальчишки. Такъ кончила свое существованіе наша милая лодочка, которую мы такъ любили, такъ къ ней приспособились.



Васильевъ и Макаровъ на этюдѣ.
(Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

XV.

Канинъ.

И вотъ дописался я до вершины сей моей бурлацкой записи:—я писалъ, наконецъ, этюдъ съ Канина! Это было большимъ моимъ праздникомъ.

Это произошло 19-го іюля 1870 года въ Ширяевѣ-Буеракѣ. Денекъ былъ сѣренькій—воскресенье. Цѣлый день стоялъ передо мною мой возлюбленный предметъ—Канинъ. Прицѣпивъ лямку къ баркѣ и влѣзши въ нее грудью, онъ повисъ, опустивъ руки. Публики свидѣтелей было немного, только свои бурлаки, да развѣ еще случайный прохожій съ *тифинки*. Несмотря на воскресный свободный день, ширяевцы даже и близко не подходили. Въ ихъ глазахъ, на берегу у барки бурлаковъ, совершалось нѣчто роковое, страшное: человѣкъ продавалъ Антихристу свою душу... Даже издали бабы отворачивались. Приближаться къ намъ запрещали и дѣтямъ строго... Тамъ въ ширяевскихъ избахъ морилъ всѣхъ страхъ, говорили вполголоса,

Зато здѣсь, у самаго берега, я свободно отводилъ душу, созерцая и копируя свой совершеннѣйшій типъ бурлака-желаннаго. Какое счастье, что Канинъ не вздумалъ сходить въ баню, постричься и вообще—какъ бывало съ нѣкоторыми моделями, приходившими подстриженными, подбритыми до неузнаваемости. Онъ не былъ извѣщенъ заранѣе и, какъ всѣ серьезные люди, позировалъ серьезно; умѣло выносилъ непривычное положеніе и легко приспособлялся, безъ помѣхи мнѣ.

— Что̀ тащишь? Тащи, братъ, тащи!—острили прохожіе бурлаки.

За моей спиною образовалась все-таки группа зрителей—прохожихъ, отпѣтыхъ, кромѣ своихъ.

— Дивлюсь,—говоритъ одинъ голосъ,—и тутъ человѣкъ, и тамъ человѣкъ... чудно̀! Диковинно...

— Э-э-хъ—батюшки!!! Да, братъ, вотъ оно: кому какой предѣлъ, стало-быть, положонъ... Господи-Батюшка... и до чего это люди доходятъ: вѣдь живой, совсѣмъ живой стоитъ на холстикѣ.

Одинъ сѣлъ близко около меня на корточки, вздыхаетъ.

— *Тиртисенью лисируете?*

Оглядываюсь: самый обыкновенный бурлакъ лѣтъ подъ 40.

— А вы, что̀ же, живописью занимаетесь?—спрашиваю.

— Да-съ, я иконописцу отданъ былъ въ ученье, писать образа... Давно уже это дѣло было... А и какъ же смѣло это вы съ красками обращаетесь! Ну, да у насъ и красокъ такихъ не было.

И онъ началъ что-то объяснять товарищамъ...—Да вѣдь ты что̀ понимаешь?.. Ты посмотри, какъ онъ горитъ всей душенькой своей! Вѣдь какъ замираетъ! Ты думаешь, это легко!.. Вѣдь душа-то изъ него чуть не вылетѣть хочетъ. Стало-быть, туда, на холстъ...

Эти разговоры я слыхалъ во время нашихъ отдыховъ, когда Канинъ курилъ.

Но во время стоянія въ лямкѣ онъ поглощалъ меня и производилъ на меня глубокое впечатлѣніе. Была въ лицѣ его особая незлобивость человѣка, стоящаго неизмѣримо выше своей среды. Такъ, думалось мнѣ, когда Эллада потеряла свою политическую независимость, богатые патриціи желѣзнаго Рима на рынкахъ, гдѣ торговали рабами, покупали себѣ ученыхъ философовъ для воспитанія своихъ дѣтей. И вотъ философъ, образованный на Платонѣ, Аристотелѣ, Сократѣ, Пиѳагорѣ, загнанный въ общую яму, или пещеру съ бѣглыми преступниками-земляками, угонялся на Понтъ Эвксинскій и тамъ лежалъ на солнцепекѣ, пока кто-нибудь покупалъ наконецъ его—60-лѣтняго старика... Воображаю, сколько претерпѣвалъ такой праведникъ отъ всей грубой дворни, которая мстила ему за то, что онъ допускался въ барскіе покои оптиматовъ, ослѣплявшіе роскошью; разумѣется, тогда его переодѣвали въ чистыя туники, очищали отъ лохмотьевъ съ паразитами...

И Канинъ, съ тряпицей на головѣ, съ заплатками, шитыми его собственными руками, протертыми еще разъ на его неразъяснимой матеріи — рубахѣ, былъ человѣкъ, внушающій большое къ себѣ уваженіе: онъ былъ похожъ на святого на искусѣ...

Много лѣтъ спустя я вспоминалъ Канина, когда передо мною, въ посконной пропотѣлой насквозь рубахѣ, проходилъ по бороздѣ съ сохой за лошадью Левъ Толстой... Бѣлый картузишко, съ козырькомъ, полуоторваннымъ отъ порыжѣлаго околыша шапчонки, посѣрѣвшей и порыжѣвшей отъ пыли и пота насквозь бѣлой когда-то матеріи... Казалось бы, что̀ могло быть смѣшнѣе и ничтожнѣе этого бородатаго чудака (проходившіе баба съ мужикомъ долго стояли въ сторонкѣ, пристально вглядываясь въ графа, и иронія—мужицкая—*„божьяго произволенія"*, не покидала ихъ...) А въ этомъ ничтожномъ облаченіи, грозно, съ глубокой серьезностью, свѣтились изъ-подъ густыхъ бровей и проницательно властвовали надъ всѣмъ живые глаза великаго генія не только искусства, но и жизни...

Канинъ по сравненію съ Толстымъ показался бы младенцемъ; на его лицѣ ясно выражалась только греза. Это была греза самой природы, не считающая часовъ и лѣтъ,—вселенская греза.

Всего болѣе шелъ къ выраженію лица Канина стихъ Некрасова:

Ты проснешься ль исполненный силъ?
...Иль... духовно навѣки почилъ?

Кстати, стыдно признаться, никто и не повѣритъ, что я впервые прочиталъ некрасовскій „Парадный подъѣздъ“ только уже года два спустя послѣ работы надъ картиной, послѣ поѣздки на Волгу. Я не имѣлъ права не прочитать этихъ дивныхъ строкъ о бурлакахъ. И всѣ считаютъ, что картина моя и произошла-то у меня, какъ иллюстрація къ безсмертнымъ стихамъ Некрасова; сообщаю это только въ силу правды.

Въ Неаполитанскомъ музеѣ, на самомъ входѣ вестибюля съ улицы, помѣщены двѣ статуи скиѳовъ—одна по правую, другая по лѣвую руку. Фригійскіе колпаки на головахъ и порты на ногахъ сейчасъ же напоминаютъ кульобскія вазы и плоскія круглыя блюда въ нашемъ Эрмитажѣ; на вазахъ тѣхъ тонко выгравированы, такъ же, какъ и на кругломъ блюдѣ, изображенія скиѳовъ съ лошадьми. Скиѳы и ловятъ лошадь арканомъ, треножатъ ее ремнемъ, точно такъ же, какъ и посейчасъ донскіе казаки ловятъ и треножатъ своихъ коней; и одежды скиѳовъ очень напоминаютъ казацкое платье, какое еще я въ дѣтствѣ зналъ на нихъ.

Эти двѣ превосходныя статуи непремѣнно должны быть скопированы, или отлиты изъ гипса и помѣщены въ нашихъ скульптурныхъ музеяхъ... Зачѣмъ?—спроситъ читатель.—Эти два славянина необыкновенно интересны для насъ,—отвѣчу я,—а для меня это родные братья Канина: та же глубина выраженія лицъ и тѣ же черты чисто-славянскаго типа. По стилю скульптура этихъ статуй относится къ первому вѣку послѣ Р. Х.

И эти славяне—одни изъ тѣхъ многихъ плѣнниковъ, добыча тюркскихъ всадниковъ, которые угоняли нашихъ предковъ въ Константинополь и тамъ, на невольничьемъ рынкѣ, продавали ихъ богатымъ патриціямъ. И тогда еще славянинъ тамъ цѣнился дешевле германца; но многіе славяне попадали въ большую довѣренность своихъ господъ и становились старшими и въ домахъ надъ рабами, и особенно на галерахъ, въ моряхъ, надъ матросами и прикованными къ весламъ гребцами. (Въ XVI вѣкѣ у турокъ эти должности еще практиковались и остались въ нашихъ пѣсняхъ и былинахъ казачества-запорожья. Пѣсня о „Самійло Кошкѣ“ представляетъ очень цѣнный типъ такого положенія довѣреннаго лица, дерущаго шкуру со своихъ же братьевъ до поры до времени.

Эти двѣ статуи, два типа, вѣроятно, были уже въ положеніи уважаемыхъ рабовъ своихъ господъ, и, вѣроятно, за ихъ заслуги они увѣковѣчены въ статуяхъ по волѣ ихъ господина.

Лѣвый: высокаго роста красавецъ, вѣроятно, блондинъ, съ окладистой бородкой, представитель сѣвера... и его лицо неотразимо обвѣваетъ меня своими безконечными грезами, о краѣ родномъ неотступными грезами. Да, онъ тоскуетъ по родинѣ... Ни великая культура древняго Рима и его провинцій съ великолѣпными виллами, ни веселая жизнь южанъ-язычниковъ — ничто это не можетъ замѣнить ему бѣдныхъ широкихъ степей и курныхъ теплыхъ избъ грубой родины... О, какъ загадочно и неисчерпаемо лицо съ красивыми чертами этого русскаго ярославца!.. Другой— типъ „моторнаго“ человѣка, носъ небольшой, картошкой; лицо озабочено дѣлами двора; онъ некрасивъ, но что-то въ немъ напоминаетъ и Крамского и Льва Толстого: этотъ скиѳъ былъ, разумѣется, очень умный и дѣльный майордомъ у патриція.

Высказавъ такъ много своего личнаго по поводу лица бурлака Канина, я не могу не привести здѣсь мнѣній другого лица. Четыре года спустя послѣ писанія этюда я жилъ въ Парижѣ, какъ пенсіонеръ Академіи Художествъ. Мастерскую мою посѣтилъ однажды А. А. Половцевъ. Этюдъ бурлака Канина висѣлъ на стѣнѣ, приколотый кнопками. Сановникъ заинтересовался имъ, внимательно разсматривалъ и сказалъ: „Какая хитрая бестія этотъ мужичонка; посмотрите, съ какой ироніей онъ смотритъ“...

Впослѣдствіи, когда А. А. Корелинъ устраивалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ музей, въ отведенной для него башенкѣ, я пожертвовалъ этюдъ съ Канина въ Нижегородскій музей.

XVI.

Отъѣздъ.

Вечера стали длиннѣе, и мы впервые подумали о чтеніи. У кого-то изъ насъ нашлось много книгъ Писарева. Стали читать— нѣтъ! Никакого интереса не представляла уже для насъ его задорная талантливая полемика; а статьи критическія, въ родѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій“, насъ даже обидѣли, и мы его упрятали. Нашелся Тургеневъ. Вотъ, думали, гдѣ душу отведемъ: увы, изъ книги пошелъ такой приторный флеръ-д'оранжъ... Романтизмъ, совсѣмъ не въ нашемъ духѣ. Намъ показалось это все сентиментальностью, и претила эта праздная помѣщичья среда.

— А вотъ у меня есть „Иліада“ Гомера,—говоритъ, осклабясь, Кирилычъ.—Какъ это вамъ покажется? Не попробовать ли?

— Ха-ха!—возвеселился отъ этой неожиданности Васильевъ.— Да ты несомнѣнный антикъ! Какую книгу въ дорогу беретъ!..

— Нѣтъ, гдѣ же намъ, заснемъ отъ этихъ шестистопныхъ дактилей и спондеевъ; это вѣдь надо особо какъ-то читать нараспѣвъ, я не берусь. Если насъ,— продолжалъ Васильевъ,— даже Тургеневъ не восхищаетъ, такъ ужъ не до этой допотопности... А ну-ка дай! „Гнѣвъ, о, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына"...

— Ничего не понимаю; нѣтъ, а ну дальше?

И вдругъ неожиданно совсѣмъ, слово за словомъ, стихъ за стихомъ, и мы не замѣтили, какъ насъ втянула эта живая быль. Мы уже не могли оторваться.

Васильевъ усталъ, взялъ я и чувствую, что меня охватываетъ восторгъ, и я начинаю представлять, будто все это пишется про самыхъ близкихъ намъ людей. И съ этого вечера, съ этого постояннаго чтенія (нашлась и „Одиссея") куда бы мы ни пошли, ни поплыли на лодкѣ, вездѣ стихи изъ безсмертныхъ живыхъ поэмъ сопровождали насъ и пѣли живымъ языкомъ наши чувства.

Напримѣръ, каждый вечеръ, припоздавъ до сумерекъ, какъ не сказать:

Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и всѣ потемнѣли дороги.

Всякій разъ, какъ мы въѣзжали въ наши мѣняющіяся пристани, невольно повторяли заученныя строки вѣчно живой книги:

Съ шумомъ легкій корабль вбѣжалъ въ глубодонную пристань.
Всѣ паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту къ гнѣзду притянули, поспѣшно спустивъ на канатахъ,
И корабль въ пристанище дружно пригнали на веслахъ.

Когда же въ сборѣ съ утра направлялись въ какую-нибудь сторону по Волгѣ, то, дополняя другъ друга, громко вычитывали:

Но лишь являлась заря, розоперстая вѣстница утра...
Мачту поставили, парусы бѣлые всѣ распустили;
Средній немедленно вѣтеръ подулъ къ поплывшему судну,
Страшно вкругъ киля его зашумѣли пурпурныя волны;
Быстро оно по волнамъ, бразды оставляя, летѣло.

Понемногу, все болѣе и болѣе мы пристращались къ героическому эпосу и наконецъ начали комплектовать полки изъ мальчишекъ и не шутя стали воевать. Какъ-то странно произошло, что Макаровъ и братъ мой совсѣмъ не принимали въ этихъ баталіяхъ участія. Усѣвшись гдѣ-нибудь повыше на горахъ, они наблюдали насъ съ птичьяго полета. Впрочемъ, конечно, ему было жаль и сапогъ и всего костюма, которые горѣли на росѣ въ лѣсу.

А Васильева и моя армія вели ожесточенную войну. Засады въ кустахъ, прятка по ямкамъ, ползанье за камнями, все это дѣлалось съ трепетавшими сердцами, пересохшими горлами. Обойти непріятеля, взять въ плѣнъ его зазѣвавшуюся гдѣ-нибудь роту; отбить отсталаго, ловко схватить за шиворотъ мальчугана, давать ему подбойку правой ногой подъ колѣнки сзади, и... тутъ же самъ собою срывался классическій стихъ, при видѣ, какъ:

Съ шумомъ на землю онъ палъ и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.

Хотя доспѣхи эти были большей частью ватная рвань, и ложилась она мягко-неслышно на траву, или на пень, но воображеніе рисовало и латы, и шлемы, торчащая вата съ прорванной шапки обращалась въ султаны... А оружіе наше росло тутъ же неподалеку, въ лозникахъ. Необыкновенно-ровныя и гибкія лозы въ изобиліи доставляли намъ длинно-тѣнныя пики съ султаниками, и мы упражнялись постоянно въ метаніи ими въ цѣль.

„Есть упоеніе въ бою“; и я испыталъ это здѣсь до потери всякаго разума. Пики летѣли густымъ косымъ дождемъ, когда наши колонны шли въ рукопашный бой... И я до того разсвирѣпѣлъ и повелъ своихъ, дрогнувшихъ въ низкой лощинѣ, на приступъ, что опомнился, когда кровь полилась уже мнѣ на грудь. Одна мѣткая пика непріятеля ударила меня въ верхнюю челюсть, подъ самымъ глазомъ... Если бы на полдюйма она попала выше, остался бы я одноглазымъ циклопомъ, но Богъ спасъ меня...

Въ это время лѣса начали расцвѣчиваться разными яркими листьями, и мы акварелью заносили въ наши отрывные листы много фантастическихъ пейзажиковъ. Наверху оказалась масса орѣшника; совсѣмъ спѣлые орѣхи падали даже подъ лощины, и ихъ никто не собиралъ, обитатели лѣнились подыматься повыше или не знали, вѣроятно. Мы набивали себѣ карманы, дарили хозяевамъ и даже увезли съ собою довольно объемистые, туго набитые орѣхами мѣшки. Крупные, полные — если ихъ прокалить, они превосходятъ вкусомъ всѣ самые лучшіе фундуки; наши были полосатые

Дѣлалось холоднѣе: дни становились сѣрые, пасмурные, короткіе, и наши сердца уже сжимались при мысли объ обратномъ пути.

Грустныя строки приходится написать о ликвидаціи нашего общаго имущества, пріобрѣтеннаго нами уже въ Самарѣ; не везти же было всего хозяйства въ Петербургъ! Напримѣръ, самоваръ, лампа, утюгъ, жаровня (рѣшетка) и много фарфоровой и глиняной по-

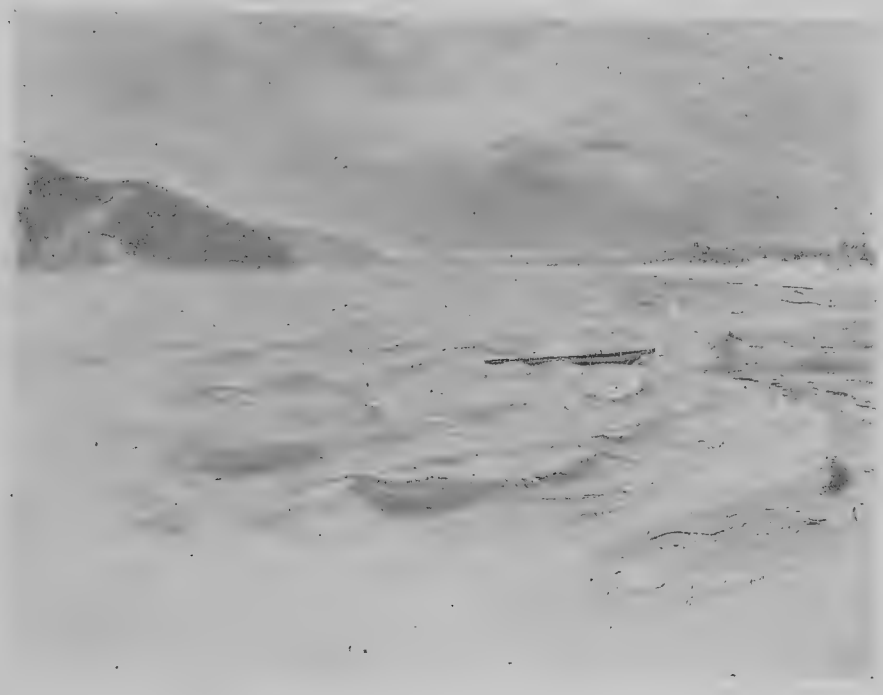
суды, словомъ, всѣ вещи хозяйственныя, необходимыя, и все это хотѣли мы уступить хозяевамъ за половинную цѣну и думали, что они будутъ довольны. Позвали хозяевъ и бабъ. Они сразу обидѣлись, долго не шли къ намъ и заявили, когда вошли, что имъ ничего нашего не нужно.

— Ну какъ же, ну, напримѣръ, самоваръ? Мы заплатили за него восемь рублей, вамъ отдадимъ за четыре.

— Самоваръ, пожалуй, можно взять,—отвѣчаютъ они съ непріязнью,—но мы за него больше рубля не дадимъ; а прочія вещи хоть назадъ везите, намъ онѣ ни къ чему...

Сначала мы были огорчены, но къ вечеру призвали и отдали *все* за рубль.

Скоро, скоро пролетѣло лѣто. Вотъ мы и опять со всѣми сундуками и чемоданами въ большой завознѣ сидимъ, скорчи-



Осень на Волгѣ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

вшись отъ холода. Разыгрался вѣтеръ и поднялъ такія волны, что казалось, вотъ-вотъ онѣ зальютъ и поглотятъ насъ въ волжской пучинѣ со всѣми нашими богатствами, — страшно было. На веслахъ сидѣли двѣ бабы и дѣвочка-подростокъ, съ кошачьими

сѣрыми круглыми глазами. Дѣвочкѣ, кажется, было жаль насъ, она глядѣла на насъ участливо, и въ ея кошачьихъ дѣтскихъ глазахъ я получалъ успокоеніе. Долго держались мы въ установленномъ мѣстѣ, ожидая парохода; должно-быть, волны задерживали его на пристаняхъ; да и груза къ осени отовсюду были увеличенныя партіи.

Было очень трудно приставать къ трапу; къ намъ спрыгнулъ матросъ съ канатомъ... Мордовались, мордовались, пока прицѣпились къ пароходной лѣсенкѣ и, наконецъ, были подхвачены лоцманами и юнгами. На пароходѣ, какъ на морѣ, слышались стоны морской болѣзни, а волны захлестывали даже на палубу; вездѣ было мокро, скоро и дождь пошелъ. Мы съ радостью пробрались въ общую каюту и стали обогрѣваться чаемъ. Какое счастье культура! Буфетъ: все, чего душа желаетъ. О, если бы мы были побогаче... Но порціи крошечныя, а цѣны огромныя; мы щелкаемъ жигулевскіе орѣхи, которыми въ дорогу туго набили карманы. Меня очень безпокоилъ еще непросохшій мой большой холстъ, на которомъ я по всѣмъ пасмурнымъ днямъ компоновалъ, писалъ и переписывалъ свой „Штормъ на Волгѣ“. О немъ я справлялся, чтобы кто не продавилъ. Ну, ничего: запакованы большіе холсты вмѣстѣ, обложены лубками, завернуты бумагами, перевязаны веревками. Авось, сохранно доѣдутъ долгій путь съ пересадками.

Я не могу не думать о своемъ „Штормѣ на Волгѣ“: плыветъ моя гибкая лыковая флотилія по рѣкѣ; привыкаетъ къ полной тишинѣ, при которой дерева-колоссы спокойно лежатъ нерушимо и сами лѣпятся другъ къ другу. Въ шесть-семь недѣль однакоже и самое крѣпкое лыко отъ самыхъ незамѣтныхъ покачиваній успѣетъ все-таки перетереться и перетлѣть до паутинной тонкости, хотя мѣстами и веревками связано... Но развѣ русскій человѣкъ подумаетъ о тщательномъ ремонтѣ своего арго до поры до времени, т.-е. пока не грянетъ громъ?.. А тучи уже сгущаются до тьмы; на широкихъ разливахъ даже береговъ не видно. Вотъ ослѣпила молнія, вотъ и грянулъ!.. Забурѣло сѣрой стѣной подъ разорванными клоками внизу облаковъ, подымаются бѣлые валы и все ближе и ближе со всякимъ соромъ ураганятъ на нашихъ оторопѣвшихъ вдругъ мореходовъ... Буря. Вотъ она перевернула треножку съ котелкомъ и сорвала куренекъ со всѣми запасами и унесла все это въ пѣнные гребни, разсыпала и раздула въ воздухѣ... Какой скрипъ вдругъ поднялся; поднялись вмѣстѣ со скрипомъ и нѣкоторые трехсотлѣтніе цилиндры... Ай, какой ужасъ! Часть плота совсѣмъ оторвало и заворачиваетъ въ другой за-

Этюдъ къ картинѣ „Штормъ на Волгѣ“. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

тонъ!.. На рулѣ ничего не подѣлаешь; да онъ и оторванъ, остался въ сторонѣ совсѣмъ одинокъ, хотя все звено его и не разбросано еще пока... Такой шумъ и ревъ и отъ дождя-ливня и отъ стука бревенъ пошелъ, что мальчикъ вдали, оставшійся на заднемъ звенѣ, только картинно-пластически изображаетъ усиліе звука, приложивъ руку къ щекѣ: его совсѣмъ не слышно; а если бы и услышали—чѣмъ ему помочь?!

Вообще, на Волгѣ быстро замираетъ звукъ человѣческаго голоса. Бывало: чуть отстанешь отъ товарищей, кричишь, кричишь, никакого отвѣта не слышно, товарищи идутъ, не оглядываясь, въ полной тишинѣ...

Прощай, Волга—Волга-матушка. Я вспоминаю свою жертву Волгѣ. Мы ѣхали еще внизъ тогда. Въ Самарѣ, въ жаркій день, когда пароходъ нашъ остановился на два-три часа грузиться и перегружаться, мы воспользовались свободой—осмотрѣть городъ. Но велика была жажда выкупаться въ Волгѣ. Совсѣмъ близъ нашей пристани общая купальня; мы въ блаженномъ упоеніи не имѣли силъ разстаться скоро съ водою... Но надо было торопиться, еще много дѣла. Заторопившись одѣваться, я не *спопашился* подхватить свои часы съ цѣпочкой, когда они ерзнули съ моего лѣтняго жилета и быстро слетѣли въ воду купальни бездонной. Сначала я крикнулъ товарищамъ, явились даже какіе-то молодцы, служащіе въ купальнѣ, разспрашивали, какіе часы. Часы были серебряные, съ серебряной же цѣпочкой, они стоили 24 рубля и цѣпочка рублей восемь.

Нѣкоторые даже стали раздѣваться, чтобы нырять въ глубину за часами... Но на меня вдругъ напалъ какой-то эпическій восторгъ. Не надо искать, ничего не надо! Я приношу эти часы въ жертву Волгѣ, какъ Садко купецъ, богатый гость... Раздался звонокъ съ парохода: насъ уже сзывали въ путь.

Первый звонокъ...

И вотъ только теперь въ Нижнемъ я вспомнилъ о своей невольной жертвѣ Волгѣ, и мнѣ казалось ясно, что Волга-матушка вознаградитъ меня по-царски за мой малый кладокъ ей. И дѣйствительно: Волга меня вознаградила впослѣдствіи, какъ родного сына, щедро и широко.

Душа уже полна трепетомъ академической жизни: скоро начнутся лекціи—научныя; скоро наступятъ и конкурсы на большую золотую медаль.

— Какова-то попадется квартира (т.-е. комната)? Если бы опять въ томъ же домѣ... Деньги были въ минусахъ долговъ товарищамъ, и это меня особенно угнетало до лишенія сна.

Одинъ изъ эскизовъ къ картинѣ „Бурлаки“. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

Хорошо еще, мы догадались изъ Нижняго ѣхать по желѣзной дорогѣ—это насъ спасло. Стоилъ только III-й классъ проѣзда, зато выигрывалось время; а на пароходахъ, положимъ, насъ везли даромъ, но, несмотря на всю проголодь до святости, все же черепашьимъ шагомъ; плоскодонныя посуды всю душу изводили медленной тягой. А порціи пароходныхъ буфетовъ, казалось намъ, становились все меньше и все дороже...

Мнѣ опять сдѣлалось страшно передъ большимъ городомъ, какъ въ первый разъ... Что-то будетъ... Но въ 1863 году я былъ одинъ въ настроеніи искателя приключеній: казалось, чѣмъ безысходнѣе, тѣмъ занимательнѣе жизнь. Теперь же на моемъ попеченіи былъ братъ.

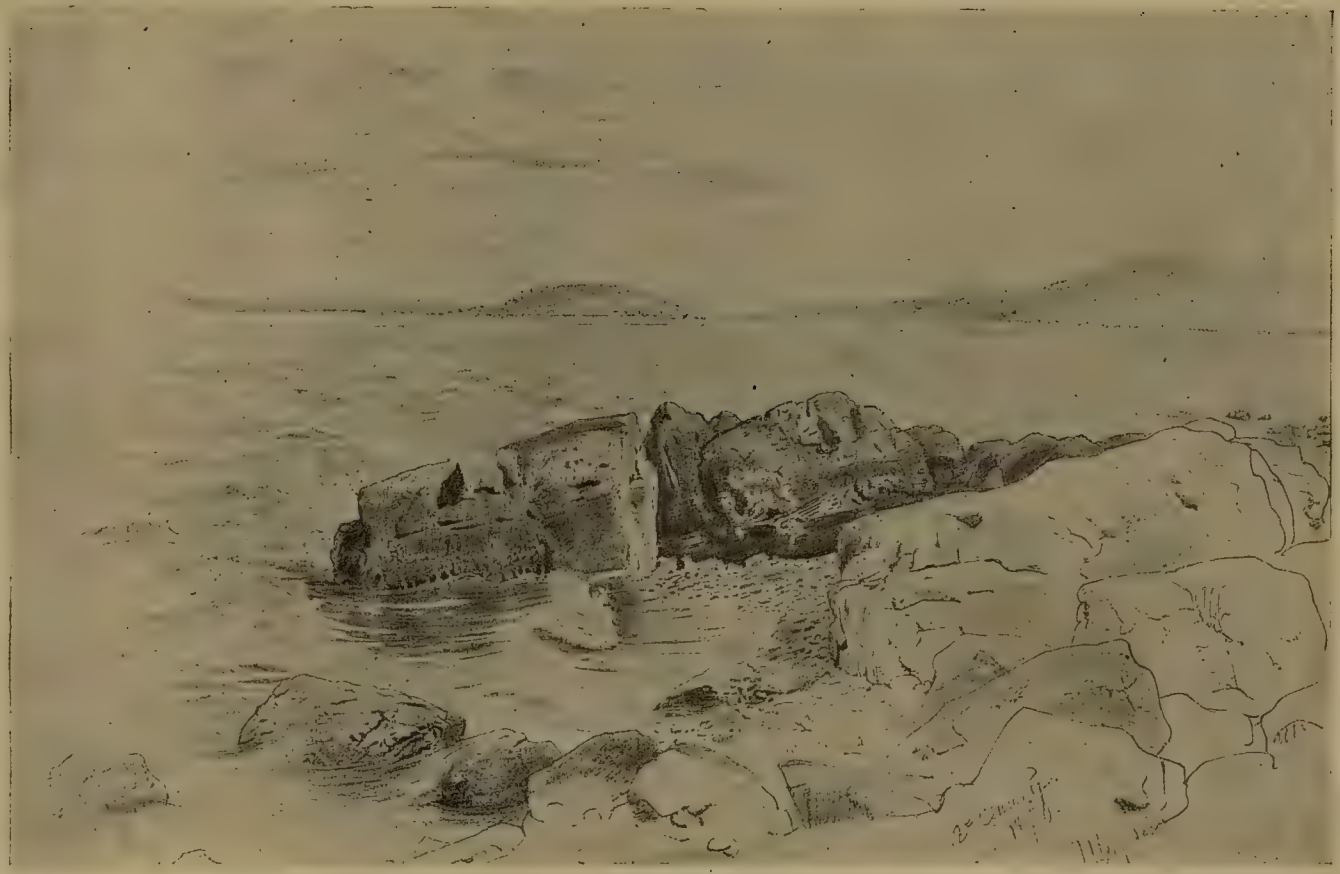
Странно, что, только переваливъ черту города, я догадался, что прежде всего мнѣ надо было явиться къ моему начальнику П. Ѳ. Исѣеву и поблагодарить его за участіе, которое насъ такъ твердо поставило надъ западней захолустья.

— А, Рѣпинъ, вы очень кстати являетесь. На-дняхъ я докладывалъ о васъ великому князю Владиміру Александровичу, и онъ очень заинтересованъ: надо непремѣнно показать ему ваши работы. Къ завтраму же устройте въ конференцъ-залѣ ваши этюды, рисунки (съ помощью и указаніемъ Пав. Алекс. Черкасова). Около часу онъ осмотритъ, что̀ вы привезли.

Какой сюрпризъ! Великій князь Владиміръ Александровичъ былъ моложе меня на два года, красавецъ, со звонкимъ чарующимъ голосомъ. Я восхищался имъ въ душѣ особенно потому, что онъ сильно напоминалъ мнѣ двоюроднаго брата Иваню Бочарова. Тѣ же черные кудри, тѣ же сѣро-голубые глаза, полные жизни и скрытаго веселья. Въ Иваню были влюблены всѣ барышни; онъ былъ первѣйшимъ танцоромъ, писалъ стихи на всякіе случаи осиновскаго кружка молодежи, онъ былъ старше меня на два года, онъ оживлялъ наши балы, вокругъ него только и держался весь трепетъ молодой жизни нашей Осиновки.

Великій князь Владиміръ Александровичъ тогда былъ вице-президентомъ Академіи Художествъ, президентомъ была его тетка, великая княгиня Марія Николаевна. Великій князь частенько посѣщалъ нашу Академію, и мы наблюдали его издали; всегда находилась группа досужихъ.

Черкасовъ счелъ за большое удобство для обозрѣнія разложить на полу мои этюды, эскизы и рисунки, привезенные съ Волги,—способъ не предусмотрительный. Въ назначенный часъ, съ аккуратностью часовъ, великій князь пріѣхалъ въ Академію Художествъ и прошелъ прямо въ конференцъ-залу своимъ скорымъ



Царевъ Курганъ. (Изъ альбомовъ И. Е. Рѣпина).

красивымъ маршемъ, по широкимъ лѣстницамъ. Изогнувшись бокомъ, долговязый Черкасовъ, съ вихрами на затылкѣ, докладывалъ ему что-то вдогонку. Вижу, они прошли къ только-что разложеннымъ вахтеромъ моимъ работамъ на полу, и великій князь началъ внимательно разглядывать ихъ. Оторвавшись на минуту и поднявъ глаза на насъ, выглядывавшихъ на него изъ полуотворенной двери въ весьма почтительномъ отдаленіи, онъ остановилъ свой взглядъ на мнѣ, и я ясно услышалъ, какъ онъ сказалъ: „а вонъ и самъ Рѣпинъ!“ Я былъ удивленъ, что онъ помнилъ меня. Онъ сдѣлалъ мнѣ рукой знакъ приблизиться и началъ разспрашивать довольно подробно, особенно объ эскизахъ. Прежде всего онъ указалъ на первый эскизъ мой „Бурлаковъ“ къ предположенной картинѣ.

— Вотъ этотъ сейчасъ же начинайте обрабатывать для меня.

Я въ молодости вообще имѣлъ способность краснѣть быстро по всякому случаю и почувствовалъ вдругъ, какъ до самой макушки я уподобился кумачу. Но это же опьяненіе собственною кровью наполнило меня и смѣлостью до дерзости не по этикету. И я сказалъ великому князю, что я больше мечталъ и готовился заняться „Штормомъ на Волгѣ“, вотъ по этому эскизу,—указалъ я на самый большой свой холстъ.

— Хорошо,—сказалъ великій князь,—дѣлайте и это для меня.

Разумѣется, я былъ, какъ въ бреду. И меня поразило, какъ это онъ сразу остановился на „Бурлакахъ“, тянущихъ лямку, которые были еще такъ плохи и на такомъ ничтожномъ картончикѣ; а „Штормъ“ на большомъ подрамкѣ собственной работы въ Ширяевѣ и былъ уже и по свѣту и по краскамъ довольно много разработанъ.

Странно, что впослѣдствіи, въ разныя времена, когда картиной моей „Бурлаки на Волгѣ“ была заинтересована либеральная часть общества, а консервативная ее такъ хаяла, бывали очень противорѣчивыя столкновенія отзывовъ. Съ удивленіемъ выслушивалъ я многихъ лицъ — разныхъ взглядовъ, положеній и вліяній.

Такъ, напримѣръ, я былъ уже въ Парижѣ, какъ пенсіонеръ Академіи Художествъ. Въ мастерской А. П. Боголюбова встрѣчалъ уже и раньше многихъ русскихъ, смотрѣвшихъ на меня съ нескрываемымъ любопытствомъ, не безъ ироніи: „Ахъ, да, вѣдь вы—знаменитость, слыхали, слыхали: вы тамъ написали какихъ-то рыбаковъ. Какъ же! Прогремѣли“.

А министръ путей сообщенія Зеленый сразу начальнически напалъ на меня въ присутствіи Боголюбова у него въ мастерской.

— Ну скажите, ради Бога, какая нелегкая дернула васъ пи-

сать эту нелѣпую картину? Вы, должно-быть, полякъ?.. Ну, какъ не стыдно—русскій?.. Да вѣдь этотъ допотопный способъ транспортовъ мною уже сведенъ къ нулю, и скоро о немъ не будетъ и помина. А вы пишете картину, везете ее на всемірную выставку въ Вѣну и, я думаю, мечтаете найти какого-нибудь глупца-богача, который пріобрѣтетъ себѣ этихъ гориллъ, нашихъ лапотниковъ!.. Алексѣй Петровичъ,—обращается онъ къ Боголюбову, которому, какъ заслуженному профессору, поручено было Академіей Художествъ наблюденіе за пенсіонерами,—хоть бы вы имъ внушали, этимъ господамъ нашимъ пенсіонерамъ, что, будучи обезпечены своимъ правительствомъ, они были бы патріотичнѣе, если бы не выставляли отрепанныя онучи напоказъ Европѣ на всемірныхъ выставкахъ... и т. д.

Ну, скажите, могъ ли я послѣ этой тирады сказать министру путей сообщенія, что картина писалась по заказу великаго князя Владиміра Александровича и принадлежитъ ему?!.

Или еще позже:—„А скажите, пожалуйста, кому принадлежитъ ваша великолѣпная картина „Бурлаки на Волгѣ“? Какіе типы! Забыть не могу. Это была самая выдающаяся картина въ русскомъ жанрѣ... И въ Вѣнѣ нѣмецъ Пехтъ далъ о ней блестящій отзывъ; особенно о солнцѣ въ картинѣ и о нашихъ типахъ, еще живыхъ скиѳахъ. А гдѣ она?—Разумѣется, въ Третьяковской галлереѣ; но я не помню... Да гдѣ же иначе; какому же она можетъ частному лицу принадлежать! И какъ это ее не запретили вамъ для выставки?! Воображаю, какъ Дворъ и аристократія ненавидятъ эту картину, какъ и нашего поэта-гражданина Некрасова!.. Вотъ ее проклинаютъ, навѣрно, въ высшихъ сферахъ!.. И вы тамъ на плохомъ счету“...

А картина между тѣмъ въ то время висѣла уже въ бильярдной комнатѣ великаго князя, и онъ мнѣ жаловался, что стѣна вѣчно пустуетъ: ее всѣ просятъ у него на разныя европейскія выставки. А надо правду сказать, что великому князю картина эта искренно нравилась. Онъ любилъ объяснять характеры картины: и разстригу попа—*Канина*, и солдата *Зотова*, и нижегородскаго бойца, и нетерпѣливаго мальчишку—умнѣе всѣхъ своихъ старшихъ товарищей; всѣхъ ихъ зналъ великій князь, и я слышалъ собственными ушами, съ какимъ интересомъ онъ объяснялъ все до самыхъ послѣднихъ намековъ даже въ пейзажѣ и фонѣ картины.

По поводу картины поднялся сугубый шумъ въ литературѣ, журналистикѣ. Авсѣенко напалъ на картину за нелѣпость ея выдумки, начиная съ какой-то „невѣроятной барки съ качелями“ (тоже воображеніе работало). Суворинъ (тогда еще Незнакомецъ)

Авсѣенку обратилъ въ цѣлую армію добровольцевъ: Мякиненку, Пшениченку, Овсяненку, Ячмененку, Чечевиченку и т. д. и молотилъ своимъ звонкимъ цѣпомъ по всѣмъ башкамъ этихъ болванчиковъ... Но писалось много и послѣ.

Наконецъ даже Ѳ. М. Достоевскій удостоилъ картину весьма лестнаго отзыва въ своемъ „Дневникѣ писателя“. Это подымало уже разсужденія въ толстыхъ журналахъ. А главнымъ глашатаемъ картины была, поистинѣ, рыцарская фигура герольда Владиміра Васильевича Стасова. Первымъ и самымъ могучимъ голосомъ былъ его кличъ на всю Россію, и этотъ кличъ услышалъ всякъ сущій въ Россіи языкъ. И съ него-то и началась моя слава по всей Руси великой.

Земно кланяюсь его благороднѣйшей тѣни.

Куоккала.
8-го апрѣля 1914 г.

ВЪ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ „СОЛНЦЕ“

ПЕЧАТАЮТСЯ:

„Воспоминанія“ Ильи Рѣпина (съ рисунками автора) дальнѣйшіе выпуски:

Впечатлѣнія дѣтства
Юность-Петербургъ-Смертная казнь.
Стасовъ-Антокольскій-Семирадскій-Крамской.
Левъ Толстой-Куинджи-Ге.
В. А. Сѣровъ-Влад. Соловьевъ-Гаршинъ-Письма объ искусствѣ

„Вѣчный Петербургъ“ подъ редакціей М. Л. Лозинскаго, въ трехъ томахъ.

„Современные русскіе лирики“ подъ редакціей К. И. Чуковскаго, въ трехъ томахъ.

2-50 u.

Ну 1947

Пр 1948

прошл

Ис500
Р-412
Репин
Бурлаки на Волге.
61-532